

РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

Вадим Проскурин

ХОББИТ,
КОТОРЫЙ СЛИШКОМ
МНОГО ЗНАЛ

Вадим Проскурин
**Хоббит, который
слишком много знал**

«Автор»

2002

Проскурин В. Г.

Хоббит, который слишком много знал / В. Г. Проскурин —
«Автор», 2002

ISBN 5-93556-244-8

Став одним из могущественных магов Средиземья, хоббит Хэмфаст решает навести порядок, продиктованный законами Добра и Справедливости, не только у себя на родине, но и в других мирах. Добро и Справедливость пробивают себе дорогу в жестоких боях, в грозных сражениях, в огне и дыму пожарищ, под свист рассекающих воздух клинков. Победы нередко оказываются призрачными, а идеалы по-прежнему недоступными. Но для того чтобы убедиться в этом, надо пройти долгий путь. Преодолеть который хоббиту помогает великий Гэндальф.

ISBN 5-93556-244-8

© Проскурин В. Г., 2002
© Автор, 2002

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вадим Проскурин

Хоббит, который слишком много знал

(Сага о Хоббите #1)

Часть первая

ХОББИТ, КОТОРЫЙ СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЛ

Глава первая

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

1

До границы круга судьбы меня провожал дядюшка Хардинг. Вообще-то это обязанность отца, но моего отца сожрала залетная мантикора двенадцать лет назад, и все эти годы дядюшка Хардинг у меня вместо отца. Моя мама стала его второй женой, а я неожиданно-негаданно оказался наследником клана Брендибэк. Если Олеся не родит Хардингу сына до того, как достигнет возраста старости, у меня есть шанс стать во главе клана, скорее всего так оно и случится, ведь до сих пор у Хардинга рождались исключительно дочери. Надо сказать, симпатичные дочери, особенно Памела. Жалко, что я не могу на ней жениться – все-таки она моя двоюродная сестра.

Хардинг остановился, он почувствовал приближение круга. Мне это пока не дано, я еще не принял свою судьбу, и мир маны закрыт для меня. Но когда завтрашним утром я вернусь в деревню, я тоже буду чувствовать места силы, если, конечно, моя судьба содержит достаточную долю скилла. Я почти уверен, что так оно и есть. Дромадрон, верховный визард клана, не устает повторять, что никогда еще не видел столь совершенного астрального тела, как у меня. Однако все равно тому, кто еще не принял судьбу, магия недоступна.

Хардинг положил руку мне на плечо, значительно посмотрел в глаза и сказал:

– Удачи, Хэмфаст. Пусть твоя судьба будет счастливой!

Я молча кивнул, как и предписывается ритуалом, и пошел дальше по тропинке, еле различимой в густом подлеске. Ветви заячьих кустов мягко сомкнулись за мной, и я остался в одиночестве.

Я не чувствовал вокруг себя ничего необычного. Тот же лес, те же гигантские сосны, уходящие в небо, густой кустарник, высокая трава, пение птиц, стрекотание кузнечиков, все в точности так же, как и в любом другом лесу Хоббитании. И когда передо мной открылся круг, это произошло внезапно и без всякого предупреждения.

Каждый хоббит с детства знает, как выглядит круг судьбы. Круглая или почти круглая поляна диаметром от ста до ста пятидесяти футов. Внутренний круг диаметром ровно шестьдесят футов символизирует мир валаров. Обычно, когда они не хотят являться смертным во плоти, они невидимы и неосязаемы, и потому во внутреннем круге нет ничего, кроме травы и цветов. По краю внутреннего круга стоят статуи: у южного края Гэндальф, у северного – Саруман. На первый взгляд это грубо сделанные деревянные истуканы, но каждый просвещенный хоббит знает, что изображение не должно быть похожим на изображаемое, истинное сходство всегда скрыто внутри.

Гэндальф – это сила попутного ветра, красота первозданного леса, мудрость предков, любовь матери. Позитивный аватар – это то, что ведет тебя через овраги и буреломы твоей судьбы, он почти не оберегает и совсем не защищает, он только показывает путь, но и это немало. Саруман – это ветер в лицо, пепел пожарища, волчьи глаза в ночи, плевок четырехглазой гадюки. Негативный аватар – это то, что стоит на пути, это препятствия, что мешают тебе идти, но ты их преодолеваешь и становишься сильнее. Негативный аватар неприятен, но его роль не менее важна для судьбы, чем роль позитивного аватара. Если никто не стоит на твоём пути, что ты сможешь обрести в странствии?

У каждого народа свои аватары. Позитивный аватар одних может быть негативным у других, у орков, например, Саруман – позитивный, а Гэндальф – негативный. Но это не значит, что орки – плохой народ, тысячу лет назад Эозорская хартия провозгласила равенство всех разумных, кроме гаридов, гурров и хедов, и никто еще не оспаривал основной принцип этой хартии (вышепоименованные расы не в счет). Так вот, орки – не плохие, просто у каждого народа свой путь, и путь орка противоположен пути хоббита, но разумные существа тем и отличаются от неразумных, что могут разойтись на узкой дороге, не вступая в бессмысленный бой.

За спиной Гэндальфа стоят пятеро истуканов вдвое меньше. Это герои: Фродо, Перегрин, Мериадок, Неизвестный и Фолко. Незачем перечислять их подвиги, они подробно описаны в Красной и Оранжевой книгах, знакомых каждому уважающему себя хоббиту. За спиной Сарумана нет никого.

Я занял предписанную ритуалом позицию на одну восьмую круга правее Фолко и сел на траву. В этом месте трава оказалась чуть менее высокой и густой, это понятно, ведь в среднем два раза в месяц эту траву приминает очередной желающий получить судьбу из рук высших сил.

Я принял позу болотной кувшинки и начал медитацию.

Обряд принятия судьбы – обряд инициации юношей и девушек, практикуемый всеми разумными расами. Основным элементом О.П.С. является совершение ночной медитации в особом церемониальном месте, специально предназначенном для совершения данного обряда (круг судьбы, пещера предназначения и т.д.). Предварительное прохождение О.П.С. является необходимым условием развития магических способностей. Процессы, происходящие в душе проходящего О.П.С., до сих пор не поддаются научному объяснению. Установлено, что понятие судьбы не имеет никакого отношения к сути О.П.С., и, следовательно, общепринятое название этого обряда некорректно с научной точки зрения.

(Большая Аннурская энциклопедия, т. 16)

2

Когда сквозь густое сплетение ветвей проглянул первый отблеск восходящего солнца, я понял, что обряд завершен. Я ощутил напряжение маны вокруг себя, и это оказалось ни на что не похожим (не зря магию называют седьмым чувством), а потом я увидел то, что заставило меня вздрогнуть.

В среднем круге, точно посередине дуги, разделяющей Гэндальфа и Сарумана, стоял человек. Высокий худощавый мужчина лет пятидесяти, с темно-русыми волосами до плеч и короткой, аккуратно подстриженной бородой, в которой пробивалась первая седина. Одет в грязно-серый плащ, на котором не было никаких следов того, что незнакомец только что продирался сквозь густой кустарник, покрытый обильной утренней росой. Лицо абсолютно непримечательное, такое лицо забывается через час после того, как ты его увидел. Никакого оружия в руках. Университетский маг? Но посоха тоже не видно. Маг из ковена?

Похоже, что я удивил незнакомца не меньше, чем он удивил меня. Он судорожно сглотнул и отступил на шаг, оказавшись в пределах запретного внутреннего круга, но, похоже, это его не озаботило. Он растерянно пробормотал под нос, как это делают те, кто привык разговаривать сам с собой:

– Хоббит? Невозможно поверить... Первый случай за пятьсот лет, и хоббит...

Я подошел к незнакомцу, церемонно поклонился, как положено, и представился:

– Хэмфаст, сын Долгаста из рода Брендибэк, к твоим услугам, почтенный.

Он ответил все тем же растерянным бормотанием:

– Брендибэк? Это кое-что объясняет... совершенно новый фактор... надо учесть... – Он наконец опомнился и поклонился мне, столь же церемонно, как это сделал я. – Почтенный Хэмфаст, я не могу назвать тебе свое истинное имя и не хочу оскорблять твои уши ненужной ложью. Я назовусь, как положено, когда придет время. А пока я рад предложить тебе, почтенный Хэмфаст, сын Додгаста, вступить в ковен, который я имею честь возглавлять.

– Мне? В ковен? – Предложение загадочного незнакомца ошеломило меня. – Но я... я принял судьбу всего несколько минут назад, я еще ничего не умею, я не знаю ни одного заклинания.

– Это мне ведомо. Тем не менее мое предложение остается в силе. – Мужчина ответил, соблюдая форму ритуала тройного отказа, и мне пришлось сделать то же.

– Мне неведомы пути и пределы моей силы.

– Это не важно.

Не важно? Странно. Он должен был ответить: “Ковен откроет твои пути и покажет твои пределы”. Я произнес следующую церемониальную фразу:

– Я слаб и глуп и потому принесу не много пользы ковену.

Незнакомец помолчал, а затем внезапно рассердился.

– Да не помню я следующую фразу! Считай, что я ее произнес, просто скажи “да” или “нет”.

– Конечно, да!

Еще бы! Насколько я помню, ни один ковен никогда не удостоивал хоббита приглашением. Герои не в счет – когда они жили, ковенов еще не было. Я предвкушал, как порадуетса дядюшка Хэмфаст, но очень скоро незнакомец меня разочаровал.

Ковен – тайная группа магов, преследующая общую цель или совокупность целей. Как правило, К. образуют маги, стремящиеся к запретным знаниям. Во всех государствах Средиземья, кроме Полночной Орды и Восходной Марки, К. запрещены законом, однако, по неподтвержденным данным, многие региональные лидеры пользуются услугами К. для решения политических задач. К типичным направлениям практической деятельности К. относятся магическая разведка, социальная инженерия, прикладные исследования военной направленности. Несмотря на то, что К. подарили миру такие замечательные открытия, как истребитель миазмов и небесный коридор, нельзя забывать и многочисленные преступления против жизни, за которые К. несут ответственность (наиболее известны вторжение мантикора и исторжение Целиса). Тем не менее маги, входящие в К., являются излюбленными персонажами народного фольклора и популярной литературы, причем, как это ни странно, чаще всего они выступают в роли положительных персонажей.

(Большая Аннурская энциклопедия, т. 12)

3.1

Незнакомец порывлся в складках коричневого камзола, обнаружившегося под распахнувшимся плащом, и осторожно извлек оттуда какой-то небольшой предмет. Он протянул мне раскрытую ладонь и величественно произнес:

– Возьми это кольцо! Теперь оно твое по праву. Я растерянно смотрел на пустую ладонь, никакого кольца там не было.

Незнакомец досадливо крякнул:

– Я совсем забыл, оно невидимо для глаза. Волшебным зрением ты увидишь его без труда, но для обычного зрения оно не существует.

Я осторожно провел пальцем по ладони собеседника и нащупал кольцо. Действительно, оно совершенно невидимо. Я не мог проверить, видимо ли оно для волшебного зрения – никто еще не успел научить меня этому волшебству, – и поэтому я не стал заниматься исследованиями занятной вещицы, я просто надел кольцо на палец.

– Замечательно! – провозгласил незнакомец. – Первая часть моей миссии выполнена, и я ухожу. Мы с тобой встретимся, когда придет время. Не думаю, что придется ждать долго. – При этих словах он ехидно хохотнул.

– погоди! – воскликнул я. – Ты не можешь просто так взять и уйти. Ты должен сообщить моим родным, что забираешь меня в ковен...

– Это не обязательно.

– Я должен принести клятву...

– Считаю, что уже принес ее.

– Это кольцо... что оно означает?

– Ты все узнаешь в свое время.

– Но я даже не знаю, как тебя называть!

– Называй меня просто – Учитель.

И с этими словами Учитель ушел. Он пересек запретный внутренний круг, пройдя совсем рядом с центром, и ничего не случилось. С ясного неба не ударила молния, не сотворились из ниоткуда смертельные монстры, острые листья луговой травы не превратились в режущие ножи. Я всегда предполагал, что этот запрет носит чисто этический характер и не подкреплён реальной опасностью для нарушителя, но меня все-таки покорило, что его можно так, играючи, преступить, даже не заметив преступления.

Учитель углубился в заросли, и его плащ моментально промок. Я постоял на священной поляне еще несколько минут, а затем двинулся в обратный путь к деревне.

Невидимость остается одной из недостижимых целей современной магии. Большинство ученых (в том числе и такие великие маги, как Оэтакан и Юперт) сходятся на том, что истинная невидимость невозможна, но доказать это утверждение, равно как и опровергнуть, не удалось еще никому во вселенной. Вы можете возразить, что описанное в Красной книге Кольцо Всевластья имело в качестве одного из побочных проявлений Силы способность предоставлять невидимость разумному, надевшему на палец данное кольцо. Однако, скорее всего, это не более чем метафора, символизирующая скрытый характер истинной власти. Для желающих более подробно изучить данный аспект могу порекомендовать пособие “Семантика великого двукнижия”, принадлежащее перу Муада Дрейка, имеющееся в библиотеке филологического факультета. Мы же не будем более тратить время на исследование легенд и перейдем к другой задаче, близкой к задаче достижения невидимости, но, в отличие от нее, вполне реальной. Оставшаяся часть настоящей главы посвящена заклинаниям отвода глаз.

(Ленор, Вильт, Риссерфраг и др. Практическая магия. Учебное пособие. Издательство Минаторского Императорского Университета. 2997 г. от И. Э.)

3.2

Нельзя сказать, что незнакомец разочаровал меня сразу. В первые минуты я был просто потрясен. Великие сосны, кусты заячьи и кусты колючие, статуи аватаров и героев, высокая, от века некошенная трава внутреннего круга, запах лесных цветов, встревоженные трели кузнечиков, надоедливое пение мошкары – все исчезло. В мгновение ока мир изменился, и мы оказались в маленькой комнатке без окон, с каменными стенами, полом и потолком. Большую часть комнаты занимали огромная, рассчитанная на человека кровать и грубый стол в комплекте с жестким, грубо сработанным стулом. Больше всего комната напоминала келью отшельника, вот только письменный стол освещался не лучиной и даже не свечой, а маленьким огненным шариком, висящим в воздухе в двух футах над его поверхностью.

Незнакомец поморщился и пробормотал:

– Извини, тут все рассчитано на человека. Я никак не ожидал, что ты окажешься хоббитом. Но теперь уже нет смысла все переделывать.

– Что значит “я окажусь”? Почему ты выбрал меня? – Этот вопрос стоило задать в самом начале, но он пришел мне в голову только сейчас.

Мой собеседник отмахнулся от меня, как от назойливого комара:

– Ты все поймешь, когда придет время. Пока смотри и запоминай. Здесь, – он показал на маленькую и неприметную дверцу в стене, – тебя всегда ждет горячий обед. Разносолов не обещаю, но пища здоровая и умеренно вкусная. Здесь, – он показал на родничок, бьющий прямо из стены, – вода. Чистая, ключевая. Здесь нужник. Эта дверь выведет тебя туда, откуда ты пришел. Дверь одноразовая, открывай ее только в случае крайней необходимости. И самое главное. – В его руке появилась толстая книга. – Твоя первая задача – прочитать и понять вот это. Вопросы?

– Теперь ты можешь открыть мне свое имя? Незнакомец на мгновение заколебался, но все-таки отрицательно качнул головой.

– Зачем ворошить сгоревшие угли? Мое имя тебе ничего не скажет. Называй меня просто Учитель.

– Учитель, как быстро я должен прочитать эту книгу?

– Чем быстрее, тем лучше. Боюсь, полностью ты не прочитаешь ее никогда. Но ты поймешь, когда для тебя будет достаточно.

– Она не кажется такой уж толстой.

– Чем дольше ее читаешь, тем толще она становится. Я не хотел пугать тебя ее оригинальным видом. – Учитель тонко хихикнул. – Еще вопросы?

– Мне не нужно приносить клятву верности?

– Не нужно.

– Клятву молчания?

– Нет.

– Я получу какой-нибудь знак?

– Какой знак?

– Ну, там, кольцо какое-нибудь... Учитель рассмеялся.

– В некотором роде ты уже получил его. Достаточно, Хэмфаст, ты уже знаешь все, что должен знать, вступая на путь. Мы поговорим снова, когда ты сделаешь первые шаги и у нас появятся темы для разговора.

И с этими словами Учитель исчез. Просто растворился в воздухе, только что был здесь, и вот его уже нет.

Я подошел к столу и влез на стул. Саруман бы побрал эту человеческую мебель! Я взял в руки книгу и прочитал название: “Высшая магия”.

Высшая магия – гипотетическая область магии, работающая с материей не посредством поля маны, а через непосредственное воздействие на элементалы. Понятие В. М. введено Ролтоном в философском трактате “Первоосновы мироздания”. Нет никаких оснований утверждать, что В. М. существует в реальном мире.

(Большая Аннурская энциклопедия, т. 3)

4.1

Первым, кого я увидел, покинув круг судьбы, был мой дядюшка Хардинг. Вторым – визард Дромадрон. Я подошел к ним и степенно поклонился, как и подобает взрослому хоббиту. Хардинг хлопнул меня по плечу и спросил радостно, но вместе с тем и тревожно:

– Ты чувствуешь ману?

– Конечно, дядя.

Хардинг торжествуяще взглянул на Дромадрона, тот казался озабоченным.

– Скажи, Хэмфаст, – обратился он ко мне, – во время обряда происходило что-нибудь необычное?

Он застал меня врасплох, я не знал, что отвечать. С одной стороны, я так и не принес клятву молчания, но, с другой стороны, Учитель сказал: “Считай, что ты уже принес ее”. Я решительно ответил:

– Нет. Ничего необычного не происходило. – И на всякий случай добавил: – По-моему. Я же не знаю, что в этом обряде обычно, а что необычно.

Хардинг расхохотался этой немудреной шутке, но Дромадрон стал еще озабоченнее. Он сказал:

– Пойдем, Хэмфаст, мне не терпится взглянуть на твою судьбу.

И мы пошли в деревню.

4.2

Когда я оторвался от чтения, был уже, кажется, вечер. В этой полутемной каморке трудно определенно сказать, какое сейчас время суток, но времени прошло много, это уж совершенно точно. Я одолел около сорока страниц волшебной книги, и моя голова, казалось, переполнилась мыслями, как Гномье озеро переполняется водой в сезон осенних дождей. К тому же я не спал больше суток и примерно сутки ничего не ел. Я открыл дверцу в стене и обнаружил там дымящуюся глиняную миску и глиняный же кувшин. В миске была баранина, тушенная с репой, в кувшине – слабенькое светлое пиво. Я внезапно понял, что проголодался, и набросился на еду, как вервольф через час после случки.

В голове бродили разные мысли. Дромадрон говорил, что высшей магии не существует, что это просто красивая сказка, которую придумал какой-то человек по имени Ра... Ро... не помню, у этих людей такие дурацкие имена! Но я прочитал достаточно, чтобы понять, что высшая магия все-таки существует, что эта книга – вовсе не глупая шутка свихнувшегося мага. Я сразу почувствовал что-то перевозданное в чеканных формулировках высшего языка, так не может мыслить ни один разумный, только боги, и, может быть, еще аватары способны овладеть этим языком настолько, чтобы использовать его в повседневной беседе, не задумываясь. Смертным это не дано, смертные не могут одновременно думать в двух-трех разных потоках сознания, они не могут заставлять слова оживать и рождать другие слова, так что мыслящему остается лишь отойти в сторону и наблюдать за действием, ожидая, когда в глубинах души

явится то слово, которое даст власть над тем, над чем хозяин души ищет власти. Смертные могут только плести заклинания, так же как и в обычной магии. Высшая магия вообще очень похожа на обычную, только заклинания формулируются на высшем языке, и вместо октав маны маг вызывает к силам элементаров. А когда вызываешь к элементарам... может, я чего-то не понимаю, но мне кажется, что здесь не действуют привычные законы мира и воле мага открыто... все?

5.1

Когда Дромадрон закончил ритуал познания, он выглядел так, как будто его долго и вдумчиво били по голове. А потом влили в глотку добрый кувшин эля и заставили исполнять пляску весны. В общем, выглядел Дромадрон растерянно. Он спросил меня:

– Хэмфаст, ты точно не можешь, припомнить ничего необычного?

– Я же говорил тебе, Дромадрон, я не знаю, что в обряде принятия судьбы обычно, а что необычно.

– То, о чем я спрашиваю, не могло показаться тебе не заслуживающим внимания. Либо ты что-то скрываешь... – Я сделал непроницаемое лицо. – Либо на тебя наложено заклинание. Придется идти в хейнбирс, здесь я не могу увидеть больше. В последний раз спрашиваю: что ты скрываешь от меня?

– В последний раз отвечаю, что ничего не скрываю от тебя, почтенный Дромадрон, – ответил я, а сам подумал в смятении, может, я все-таки не давал Учителю клятву молчания?

Хейнбирс – заклинательная пещера. (Хоббито-аннурский словарь)

5.2

Сотворение существа включает в себя три основных этапа: формирование вида, сотворение вида и собственно сотворение существа. Я не стал заполнять структуру вида, оставив почти все поля пустыми. Лишь в тех случаях, когда книга ясно говорила, что данное поле должно быть заполнено, я вставлял в структуру нужное понятие.

Книга порекомендовала подготовить для существа душу, и я сделал это, не вполне понимая смысл делаемого. Ведь изготовленная душа (слово “сотворенная” здесь неупотребимо, потому что душа окончательно сотворяется только вместе с телом) включала в себя только одну вещь – обращение к элементалу “Обычная душа существа”. Спрашивается, почему бы не протянуть нить, связывающую структуру вида с этим элементом напрямую, минуя ненужный промежуточный узел? Может быть, цель состоит в том, чтобы, когда я буду создавать настоящему полноценную душу, мне не пришлось бы думать над тем, как связывать нити? Скорее всего, так оно и есть, ведь, когда маленького хоббита учат управляться с луком, вначале его учат стрелять по гнилым репкам, хотя какой смысл расстреливать репу из лука?

В общем, я соорудил то, что с некоторой натяжкой можно именовать душой, и привязал ее к элементалу “Сотворить вид”. Я взял выходную нить и прицепил ее другой конец к элементалу “Сотворить существо”. Осталась сущая мелочь – мысленно дописать к заклинанию две строки текста, содержащие ссылку на еще один элементал. Он называется “Обдумать мысль”, но я так и не понял, как связано то, что он делает, с тем, что заключено в его названии. Книга советовала не загружать себя ненужным знанием, а просто дописывать ссылку на него к каждому заклинанию, в котором сотворяются высшие существа (значит, бывают еще и низшие?). Я так и сделал.

Заклинание готово. Я мысленно воззвал к Гэндальфу и использовал мое первое заклинание. Ничего не произошло.

Я проверил все нити и нашел две ошибки. Попробовал еще раз, и снова ничего не получилось. Еще одна проверка. Еще одна ошибка. Последняя.

На столе появился поросенок. Совсем маленький, не больше двадцати фунтов, трогательно розовый и несмышленный. Я открыл дверцу в стене и покормил поросенка. Когда поросенок насытился, я снял его со стола и увидел Учителя.

Он стоял за моей спиной и задумчиво смотрел на поросенка. Когда он понял, что я его вижу, он сказал:

– Должен был получиться щенок или, в крайнем случае, жеребенок. Но ты не человек и не эльф. Моргот меня раздери, как много зависит от природы мага! Сколько возможностей для исследования! Ничего, когда мы выполним миссию, у нас будет достаточно времени, чтобы разобраться и в этих тайнах.

– Учитель, – почтительно спросил я, – а в чем заключается наша миссия?

– Ты еще не готов к этому знанию. Пока отдохни, а потом читай дальше. Посмотрим, как ты справишься со вторым заданием.

Учитель глянул на поросенка, и тот исчез вместе с маленькой кучкой, которую успел наложить в углу. Секундой позже исчез и Учитель.

6.1

Я впервые оказался в хейнбирсе. Оказывается, это место, о котором ходит столько разных слухов, выглядит совсем обыденно. Больше всего хейнбирс похож на большой упорядоченный чулан.

По правилам, хейнбирс должен находиться в пещере, но где взять пещеру в восточном пределе Хоббитании? Поэтому хейнбирс клана Брендибэк вырыт в склоне холма, так же как обычное жилище хоббита. Только в хейнбирсе нет ни кроватей, ни шкафов, ни сервантов, ни сундуков, ни настенных гобеленов. И еще нет окон. Вдоль стен хейнбирса стоят стеллажи из неструганных досок священной осины, а на стеллажах в строгом порядке расставлены грубо сколоченные ящики и маленькие аккуратные коробочки с магическими ингредиентами. В углу письменный стол, рядом с ним чурбан, играющий, очевидно, роль стула, на стене книжная полка с пергаменатами. В центре ровная, чисто выметенная круглая площадка диаметром футов десять. Даже я, не умеющий сотворить ни единого заклинания, ощутил напряжение маны, исходящее из центра этой площадки. Пожалуй, трехкратное превышение естественного фона.

Дромадрон не совершал эффектных жестов, он не произносил величественных слов, но я сразу почувствовал, как мана пришла в движение. Дромадрон нарисовал на площадке шестиконечную звезду, он не пользовался циркулями и линейками, линии были неровными и неправильными, но я знал, что сейчас это не важно.

В центр звезды Дромадрон поместил странную зелено-фиолетовую свечу, и, когда он зажег ее, она стала издавать пряный, ни на что не похожий запах. На концах четырех лучей разместились пучки каких-то трав. Дромадрон задул лучину, и странным образом в хейнбирсе стало светлее. Только этот свет не прояснял мир, а затуманивал, смещая очертания, углы и расстояния, и нарисованная на полу звезда приобрела в призрачном свете идеальную форму. Дромадрон встал на дальний конец звезды и произнес слова силы. Я не понял ни единого из них. Дромадрон указал мне на последний луч звезды, оставшийся незанятым, и я поспешно заполнил его своим телом.

Наступила вязкая, неприятная тишина, которая длилась вечность, потоки маны закручивались вихрями, светились невидимым светом, сила пронзала меня, и наконец Дромадрон сказал:

– Я вижу могучий артефакт на тебе. Это кольцо на среднем пальце правой руки. Ты чувствуешь его?

Я не знал, что ответить, но мои губы зашевелились помимо моего желания:

– Да.

– Откуда он у тебя?

– Мне дал его Учитель.

– Какой такой учитель?

– Не знаю.

– Какой он расы?

– Человек.

Следующую вечность я описывал физический и астральный образ Учителя. Наконец Дромадрон перестал расспрашивать меня и обратил свой взор на кольцо. Это длилось третью вечность, а потом свеча догорела.

Дромадрон выругался, зажег лучину, и магия ушла. Напряженность маны упала раз в двадцать, вряд ли теперь хейнбирс наберет прежнюю силу раньше чем через месяц. Я был смущен. Непонятно, давал ли я клятву молчания, но если я ее все-таки давал, то теперь я ее нарушил. Дромадрон развеял мои сомнения. Он сказал:

– Успокойся, Хэмфаст. Ты не давал никакой клятвы. Ты дал согласие на вступление в ковен, но ты не успел в него вступить. Обряд не состоялся, и ты ничем не обязан этому твоему... учителю.

– Но, визард, он не собирался проводить никакого обряда!

– Верно.

– Значит, он не хотел принимать меня в ковен по-настоящему?

– Тоже верно.

– Тогда зачем он все это говорил?

– Подумай.

Я подумал.

– Кольцо?

– Кольцо.

– Что это за кольцо?

Дромадрон глубоко вздохнул.

– Я не знаю. Моей силы не хватает, чтобы добраться до его астральной сущности. – Последние слова дались ему через силу. – Честно говоря, я почти ничего в нем не понял.

– Но это действительно магический артефакт?

– Без сомнения.

– Но... это... это не кольцо Саурана? Дромадрон рассмеялся.

– Конечно, нет! Вначале я тоже подумал о нем. Невидимость, аккумуляция силы... Красная книга описывает его довольно подробно. Но кольцо Саурана сгорело в Ородруине, это тоже написано в Красной книге. А если не верить в Красную книгу, во что тогда вообще верить?

– Тогда что это?

– Я же сказал, не знаю, – недовольно ответил Дромадрон. – У меня есть кое-какие подозрения, но я не хочу о них говорить, вначале нужно все проверить как следует. Снимай кольцо.

Я попытался это сделать и не смог. Я чувствовал магию, исходящую от кольца, но другие, обычные чувства больше не замечали его. Раньше оно было просто невидимо, теперь мои пальцы беспрепятственно скользили по моей коже, и только силовые линии маны подсказывали, что это проклятое кольцо по-прежнему надето на палец.

Дромадрон взял мою руку в свои и пару минут совершал странные движения. Вначале он пытался сдернуть кольцо с моего пальца, затем – хотя бы ощутить это кольцо наконец по моему, он просто пытался прощупать особенности чуждой магии. Похоже, эти попытки не увенчались успехом. Мудрый визард нахмурился.

– Похоже, дела обстоят хуже, чем мне показалось вначале, – сказал он.

6.2

Второе сотворенное мной существо оказалось похожим на серую сову с куриным хвостом и широко расставленными глазами. Оно встревоженно порхало по каморке, и было заметно, что теснота и тусклый свет волшебного фонарика действуют ему на нервы. Я прочитал вслух длинный абзац из колдовской книги, а затем произнес кодовое слово. Несуразная сова повторила абзац слово в слово, выходит, мое второе заклинание подействовало.

Эта сова – низшее существо, хотя я вложил в него целых четыре души. Точнее, главная душа у него одна, но в нее вложены три магических узла, которые по сути своей тоже души. Один узел отвечает за запоминание услышанной информации, второй – за ее воспроизведение, а третий реагирует на кодовое слово и активизирует два первых узла. Все три узла совершенно стандартны, это нечто вроде элементаров, но другое. Это как бы стандартные души, нематериальные, но существующие. Высшая магия позволяет привязывать их к заклинанию, что упрощает сплетение заклития.

Стандартные узлы удобно использовать только при проектировании низших существ. Конечно, можно привязать узел слуха и запоминания и к тому симпатичному поросенку, которого я сотворил вчера (или уже сегодня?), но для этого потребуется гораздо больше нитей, и наложить их в правильной последовательности будет не в пример труднее, ведь такие простые элементары, как “Взять слова из памяти низшего существа”, с высшими существами не работают. Есть, конечно, элементар “Прочитать память души”, который действует на все души, но искать в высшей душе тот единственный уголок, в котором прячутся нужные слова... Нет, это возможно, и потребные элементары не так уж сложны, но куда проще работать с низшей душой, в которой уголок для хранения слов отгорожен раз и навсегда. Не зря маги чаще всего работают с низшими существами, со всякими там насекомыми, чтоб их гнездилище Саруман разорил.

Традиционная магия относит птиц к высшим существам, вместе со зверями и драконами. Книга Учителя говорит, что не важно, как существо выглядит снаружи, важно лишь то, что вложено в него Творцом. А я, глядя в пустые глаза сотворенного крылатого шпиона, понимаю, в чем истинная разница между высшими и низшими тварями – высшее существо можно полюбить, будь это даже свинья, а в отношении низшего это никому не придет в голову.

Книга говорит, что не стоит творить высших без нужды, для решения почти любой задачи можно сотворить тупого серого ублюдка, который ее решит. Наверное, Учитель прав, но мое первое заклинание понравилось мне куда больше.

Дядюшка Хардинг вышел на крыльцо, чтобы проводить нас. Он обнял каждого и произнес напутственные слова, для каждого свои. Мне он сказал:

7.1

– Не кручинься, Хэмфаст, ты ни в чем не виноват. Любой мог оказаться на твоём месте, твоей вины нет в том, что черный маг наложил на тебя заклятие. Маги Аннура помогут тебе, и ты вернешься к нам, и зловещее кольцо больше не омрачит твою судьбу.

– Почему ты думаешь, дядюшка, что это был черный маг? – удивленно спросил я.

– Никто другой не стал бы надевать на твою руку могущественный артефакт, который не смог снять даже лучший визард Хоббитании. Не волнуйся, Хэмфаст, маги Аннура найдут что противопоставить черным чарам. Маги Аннура сильны, ведь, если бы они были слабы, в Аннуине царствовали бы потомки Олмера. Ступай во имя Гэндальфа и помни, твой клан всегда с тобой, в какую бы беду ты ни попал.

Но когда ворота цитадели закрылись за нашим отрядом, я подумал, не оттого ли так спешно Хардинг отправил нас в стольный град Аннуин, что он боится, как бы мое кольцо не навлекло беду на родной клан? И не оттого ли Дромадрон наложил на наших пони заклятие неутомимости?

Шестеро хоббитов собрались в путь невероятно быстро, менее чем за сутки. Беспрецедентно быстро, мог бы сказать Дромадрон, но он не сказал этого, несмотря на то, что был одним из шести. Остальные пять – это я и четверо лучших воинов клана: Хронинг, Хулиан, Ристен и Нибермот. Все, кроме Дромадрона, вооружены до зубов. Но простой осиновый посох Дромадрона стоит десятка мечей.

7.2

Мое третье существо относится к высшим, несмотря на то, что по облику это ящерица. Безмозглая, малоподвижная, невооруженная, неядовитая и лишенная каких-либо магических сил. Зато она практически невидима. Она не обладает истинной невидимостью и не умеет отводить глаза, она просто меняет окраску, да так хорошо, что нужно обладать орлиным зрением, чтобы различить ее угловатое тело на деревянном столе или на земляном полу моей тесной каморки.

В сотворении такого существа нет никакой пользы, просто мне надо попрактиковаться в работе с элементалами, меняющими облик существа. Это непростые элементалы, и душа убогой ящерицы куда сложнее, чем душа поросенка или совы.

Интересная вещь – и поросенок, и ящерица имеют ссылку на один и тот же элементал – “Сотворить существо”, но как разительно различаются тела, сотворенные этим элементалом! Нет ли здесь какого-то закона равновесия, вроде того, что чем больше маг вкладывает в сотворяемую душу, тем меньше ей достается от природных сил? Надо спросить Учителя, когда он снова навестит меня.

8.1

Пони, подстегнутые заклятием неутомимости, рысью вынесли всадников из леса, и мы оказались на земле Аннурского королевства. Граница между Хоббитанией и Аннуром существует больше на бумаге, чем на деле, это просто незримая линия, не подкреплённая ни таможенными заставами на проезжих трактах, ни магическими ловушками на контрабандных тропах, ни конными патрулями, рысющими в пограничье вдоль и поперек. От века считается, что поле – это Аннур, а лес – это Хоббитания. Ныне никому не воспрещается выехать из вечного полумрака под яркое солнце распаханых полей и тучных пастбищ, и не нужно ни платить пошлин, ни выписывать подорожные.

Так было не всегда. В глубокой древности, которой достигает летописное слово, хоббиты обитали в глухих чащобах и почти что не показывались людям на глаза. Хоббиты выращивали овощи, разводили свиней, знали бронзу и железо и были вполне довольны своей простой жизнью, которую даже древние арнорцы (тогда Аннур назывался по-старому – Арнор) считали примитивной и варварской. В общем, хоббиты жили отдельно, а люди отдельно. Иногда в хоббитчьи леса забредали гномы-купцы, менявшие прославленную морийскую сталь на редкие артефакты хоббитчей магии, но такое случалось не каждый год и даже не каждое десятилетие.

Все изменилось в 315 году до Эльфийского Исхода, когда хоббит по имени Фродо и три его друга волей майаров оказались вовлечены в Первую Войну за Кольцо. Тогда в первобытный мир древних кланов снизошли аватары, а то, что последовало за этим, изложено в Красной книге, и негоже мне повторять священные тексты своим корявым языком.

Когда Фродо сжег Кольцо в вечном огне Ородруина и вековечное зло вновь отступило и попряталось в потайных норах, великий король Элессар Эльфийский издал указ, утверждающий за хоббитами особые привилегии. Людям и иным подданным единого королевства Арнора и Гондора строжайшим образом воспрещалось вступать на землю Хоббитании, в то время как хоббитам разрешалось беспрепятственно посещать Арнор и даже беспошлинно торговать на арнорских землях. Второе правило, впрочем, скоро было отменено благодаря хитрым купцам, быстро сообразившим, что, если записать хоббита владельцем торгового предприятия, можно здорово сэкономить на налогах и пошлинах. Но первое правило – правило неприкосновенности Хоббитании – соблюдалось беспрекословно. Очень большую услугу оказал всему западному миру хоббит по имени Фродо.

Прошло чуть более трехсот лет, в течение которых почти ничего не менялось. Хоббиты жили как жили, разве что появилась торговля с Арнором, но она никогда не занимала заметного места в жизни кланов. Собрали овощей больше, чем можно сохранить, – значит, надо отвезти излишки в Аннуминас (раньше так назывался Аннуин) и обменять на оружие гномьей работы или на золотые побрякушки. А если урожай собрали такой, что самим еле-еле хватает, так и нечего вылезать из леса, ничего хорошего за его пределами быть не может, наши предки вообще из чащоб не выходили и нам не велели.

Но где-то в восточных лесах золотоискатель из Дейла по имени Олмер уже нашел Кольцо Тьмы, и над миром вновь сгустились тучи. И юный хоббит Фолко Брендибэк вместе с двумя гномами отправился в странствия навстречу воинской славе и достойному месту в Оранжевой книге, которую, говорят, он сам и продиктовал, когда состарился и не мог более держать в руках меч. Впрочем, другие говорят, что Оранжевую книгу написал Теофраст из Аннуминаса, а Фолко сгинул в войне Гондора с Харадом.

Война почти не затронула Хоббитанию, только в самом конце, за месяц до Исхода, орда орков вторглась в восточный предел. Фолко Великий возглавил хоббиты ополчение, и уже через неделю большая часть орков полегла в непролазных чащобах, пронзенная меткими стрелами маленького народа, а жалкие остатки пятитысячной армии бесславно покинули леса, чтобы сгинуть на копьях роханской конницы, которая почти так же жалко рыскала по южным и западным пределам Арнора, разбитая объединенной ратью истерлингов и хазгов. Оранжевая книга говорит, что Фолко победил вождя орков в единоборстве на мечах, но я в это не верю. Даже в мифриловой броне хоббит не противник закаленному в боях человеку и тем более орку. Скорее всего, кто-то из переписчиков немного приукрасил действительность, а потом эту неточность стали почитать за истинную правду.

Да, хоббиты неважные бойцы на мечах. Но как можно сражаться на равных с противником, если ты вдвое меньше? Будь ты самым великим мастером, против врага из запредельной весовой категории ты ничего не сделаешь, и не нужно обижаться на глупый анекдот: хоббит был очень сильным, но очень легким. Зато в стрельбе из лука нас превосходят только люди из народа хазгов, да и они не умеют вести беглую стрельбу меж густых ветвей. А в метании ножей, владении пращей, умении бесшумно и невидимо скользить в густом подлеске хоббитам вообще нет равных. Вот и получается – в родном лесу нет никого сильнее хоббита, а стоит выйти в чистое поле, и вся хоббитыя сила бесследно улетучивается, будто ее никогда и не было.

Окрестные народы не сразу это уразумели. Трижды после Исхода захватчики вторгались в хоббиты леса: один раз аннурны и два раза пираты из Серой Гавани. Никто не продержался под сенью священных дубов больше месяца, и никто не вернулся восвояси, не оставив в лесу менее четверти войска. А потом Риордан Завоеватель присоединил Серую Гавань к Аннуру, и Хоббитания целиком оказалась внутри Аннурского королевства. Риордан пытался получить с этого выгоду, перегородив проезжие тракты заставами и собирая пошлину с торгующих хоббитов, но, когда объединенное ополчение Хоббитании перекрыло главный тракт,

Риордан отступился. Уразумел, что лучше мириться с несобранными пошлинами, чем вести караваны в Серую Гавань кружным путем.

Так и живем с тех пор – хоббиты в лесу, люди в поле. Каждый хоббит имеет полное право бродить по всему Аннуру, а человеку под сень хоббичьих лесов хода нет. Только вдоль тракта тянется торговая полоса, куда допускаются люди и гномы и куда иноземные купцы привозят товары для торговли с хоббичьими кланами. А оркам нет доступа даже сюда. Пусть со времен орочьего вторжения и прошло три тысячи лет с гаком, хоббиты сохранили память об этих событиях. Да и как такое забудешь, если половина детских сказок повествует о злобных и глупых орках?

8.2

Заклинание построено, проверено и приведено в действие. Снова серая сова с куриным хвостом, но это уже высшее существо, хотя умеет она теперь куда как меньше. Только все повторяет – что ей ни скажи, то и повторит.

Но какая мощь, великий Гэндальф, какая мощь! Стоит поменять в этом заклинании всего одну нить, и сова будет не просто повторять произнесенное, но и переводить сказанные слова с хоббичьего языка на аннурский. Или на ганнарский, да даже на язык Полночной Орды она сможет перевести все, что ни скажешь. Воистину беспредельна сила высшей магии! Без сомнения, результат стоит тех двух дней, что пришлось потратить на освоение бесчисленных свойств элементарного «Понять язык». Одних входных нитей там восемнадцать, и каждая несет по два-три свойства... Да, тяжело это было, но сова стоит того.

А если разорвать нить, связывающую слух и язык, сова сможет разговаривать как настоящее разумное существо. Но я не буду разрывать эту нить – потом будет трудно отправить собеседника в небытие только за то, что в его услугах больше нет необходимости.

9.1

Стольный град Аннуин видно издали. Главная башня цитадели появляется над горизонтом, когда до города еще полдня пути. И даже если не видеть ажурный шпиль, растущий в небо словно ниоткуда, в близости большого города сомнений нет.

Путники, торговцы, гонцы, караванщики, путешественники спешат по дороге сплошным потоком в обе стороны. Западный тракт здесь достигает ста футов в ширину, и все равно дорога запружена всадниками, повозками и пешими путниками. Люди, хоббиты, гномы, орки – кого только не встретишь на одном из трех главнейших трактов Аннура. А по обочинам тянутся корчмы, трактиры, харчевни, постоялые дворы, склады, рынки, бордели, лавки, дорога прямо-таки пестрит от разнообразных вывесок, тщательно вырисованных масляной краской и грубо намалеванных харадским углем на доске. Одни совершенно понятны, другие абсолютно загадочны. Что такое, например, «бильярдная»? Я спросил Дромадрона, но он тоже не знает этого, воистину в Аннуине много вещей, непонятных хоббиту, а ведь мы еще не доехали до стен Большой Крепости!

Дромадрон сказал, что мы уже въехали в Аннуин. Если бы можно было посмотреть на столицу Аннура с высоты птичьего полета, взгляду наблюдателя предстал бы огромный трилистник, распыленный на трех торговых трактах: южном, западном и восточном. Вдоль трактов Аннуин вытягивается от городских стен на десять-пятнадцать миль и в общей сложности за пределами стен живет вдвое больше горожан, чем внутри. А сами стены, по словам Дромадрона, давно обветшали, ведь, если случится война с Ганнаром, стены не помогут – боевые драконы, составляющие основу ударных сил ганнарских войск (кстати, и аннурских тоже), просто не заметят вздымающиеся к небесам величественные бастионы, когда обрушат на город

яйца феникса (зажигательные, несущие в себе огненные вихри вместо зародыша, и полиморфные, превращающие жителей в убогих существ вроде птиц и ящериц), небесный огонь, магические яды, семена моровых поветрий... Много орудий убийства изобретено боевыми магами, и если однажды кошмарные изобретения тайных лабораторий вырвутся на свободу... Возможно, выжившие пожалеют, что их далекие предки повергли в прах Саурана, ведь даже владычество Великого Черного покажется им великим счастьем.

Аннур и Ганнар не воюют уже почти столетие, хотя взаимная ненависть между ними не утихла ни на малую толику. Просто обе стороны боятся, что война окажется больше похожей на самоубийство, чем на войну. Взять хотя бы Хтонский конфликт. Великие державы не поделили бросовый кусок земли в Могильных Пустошах, где даже конопля не растет, а, не поделивши, собрали многотысячные армии и пошли решать пустяковый вопрос силой оружия. Вот только не смогли они ничего решить. До сих пор никто не знает, чьи боевые маги устроили вторжение мантикор, да и не интересовало это тогда никого. Воинов тогда интересовало, как отбиться от внезапно нахлынувших чудовищных стай да как вернуться в родные края, не оставив половину войска на съедение безмозглым химерам. Видать, многому научило королей вторжение мантикор, ведь с тех пор ни Аннур, ни Ганнар не вели ни одной войны. Если, конечно, не считать за войны подавление мятежей да отражение варварских набегов.

Так о чем это я? А, о стенах. Так вот, с Ганнаром воевать боязно, с хоббитами глупо, ведь что с нас взять, кроме репы да моркови? Дейлу война не нужна, местная знать зарабатывает славу и достаток не мечом, а торговыми делами. Ангмар... Ангмару хватит пары черных драконов, и совет старейшин пришлет в Аннуин засоленную голову того вождя, у которого достанет глупой удали напасть на цитадель магов.

Кстати, а что это магов на улицах не видно? Я спросил об этом Дромадрона, и он ответил, что у аннурских магов не принято разгуливать по улицам в одноцветных плащах и с посохами наперевес. Есть одежда для церемоний, а есть для повседневной жизни, и обычно маги носят ту же одежду, что небогатые землевладельцы да купцы средней руки. Если тебе открыта магия, незачем подтверждать свое достоинство, вырядившись подобно харадскому петуху, ведь стоит зажечь огнешар на кончике пальца – и любой встречный, кто обидел тебя ненароком, упадет на колени и будет молить о прощении, не задумываясь ни о воинской чести, ни о купеческом звании. А ежели обидчик не упадет на колени, пусть пеняет на себя, такого в живых не оставляют, чтобы другим неповадно было.

Городских стен все еще не видно, а Дромадрон уже начал высматривать подходящий постоянный двор. Я удивился и спросил его:

– Разве Аннурский Королевский Университет располагается не за стенами Большой Крепости? Дромадрон аж перекоксился:

– Ты что, сразу в университет собрался? И не думай! С твоим кольцом только через ворота и ходить! Там же детекторы магии повсюду. В лучшем случае будешь объяснять стражникам, почему артефакт не задекларировал и что никакого вреда его величеству причинить не хотел. А в худшем испепелит тебя вместе с кольцом демон-хранитель, к что я тогда Хардингу скажу? Нет, Хэмфаст, мы остановимся за пределами стен, а внутрь я пойду без тебя и договариваться обо всем буду без тебя. А когда договорюсь, маги выпишут тебе пропуск и проведут через специальную дверь, что устроена рядом с каждыми воротами. А до тех пор даже не думай попасть внутрь Крепости!

Примерно через полчаса Дромадрон нашел наконец устроивший его постоянный двор, который почему-то назывался “Четыре пса” (при чем здесь псы? И почему именно четыре, а не три и не пять?), мы разместились в двух отведенных нам комнатах, наши пони, с которых Дромадрон снял заклятие неутомимости, жадно припали к кормушке, а мы, шестеро путников, изможденных бешеной скачкой, устроили себе последний привал перед окончательной целью нашего путешествия.

9.2

Пятый раздел книги Учителя называется “Мыслеобразы”. Я уже три раза прочитал его от начала до конца, но проверочное заклинание никак мне не удается. А ведь существо, которое должно получиться в результате, поистине уникально, думаю, сам Гэндальф пришел бы в восторг, увидев его в действии.

Основная идея такова. Это существо не имеет постоянного облика, ни физического, ни астрального. Столкнувшись с агрессивным поведением другого существа, оно берет у противника мыслеобраз и превращается в точную копию противника, причем захватывается не только внешний облик, но и два низших слоя души, содержащие в себе все боевые навыки. Такое существо можно победить, но его нельзя победить играючи. А если ты знаешь, что легкой победы не будет, то вряд ли рискнешь напасть. В общем, замечательная материальная оболочка для разведчика или курьера. Вот только захвата мыслеобраза у меня почему-то не происходит.

Я в очередной раз привел заклинание в действие и сотворил ящерицу (такова исходная форма этого существа). Я больно щелкнул ящерицу пальцем по носу, и она убежала под стол. Вздохнув, я дематериализовал ее.

Учитель неслышно появился за спиной. Он сказал:

– Ты забыл про элементар “Сотворить совместимый мыслеобраз”.

– Но зачем? Разве он не создается автоматически при формировании контекста отображения внешнего образа?

– Автоматически создается мыслеобраз минимального объема, способный вместить только одно элементарное понятие. А тебе нужна емкость в два-три миллиона понятий.

Я открыл книгу на нужной странице и со стыдом обнаружил там то, что только что сказал Учитель. Но я же это читал!

– Не расстраивайся, Хэмфаст, – сказал Учитель, – ты учишься очень быстро. Ты уже усвоил примерно восьмую часть базового курса. Еще месяц, и ты смог бы понять суть нашей миссии.

– Смог бы?

– Если бы смог выдержать такой темп еще месяц. Но это не в твоих силах, тебе надо отдохнуть. Смотри, – Учитель указал на стену, где появилась еще одна дверь, которой не было раньше, – эта дверь ведет в рекреационную зону.

– Чего?

– Это место для отдыха, которое я сотворил для тебя. Ты должен проводить там два-три часа каждый день, иначе твой разум не выдержит такого количества новых знаний. Но не забывай и об учебе.

– Учитель, но что там, за этой дверью?

– Я не знаю. Разве ты не понял специфику высшей магии? Ты сотворяешь то, что хочешь сотворить, и сотворенное удовлетворяет всем предъявленным требованиям, если, конечно, они выполнимы и совместимы, но то, к чему ты не предъявлял требований, может быть каким угодно. Я не знаю, что ты найдешь за этой дверью, могу лишь сказать, что там ты сможешь отдохнуть, тебе там понравится, но не настолько, чтобы ты никогда не вернулся в эту комнату.

И Учитель растворился в воздухе.

Я сотворил наконец переменчивую ящерицу, с полчаса поиграл с ней, натравливая на нее то сову, то поросенка, то другую ящерицу, а потом мне надоела эта жестокая забава, и я открыл новую дверь.

10.1

Дромадрон вернулся только к вечеру, его сопровождали два маленьких неприметных человечка, про которых никак не скажешь, что это сильные маги. Они осмотрели меня и сказали, что нас ждут у Западных Ворот завтра в полдень.

Наступило завтра, наступил полдень, и нас действительно ждали у Западных Ворот. Седобородый маг в одноцветном красном плаще и с посохом приказал страже пропустить нас через неприметную дверь в стороне от ворот, и мы ступили в пределы Старой Крепости.

Полчаса пешком, и мы на ступенях Аннурского Королевского Университета. Говорят, что это самое прекрасное здание во всем королевстве, и я склонен этому верить. Трудно представить себе, что в мире может существовать что-то более величественное, чем эти огромные колонны, каждую из которых не обхватят и десять орков, чем уходящий в небо шпиль с белой звездой на конце, чем удивительно строгие пропорции этого огромного здания, занимающего целый квартал.

Но нас ждали не в главном здании, а в одной из боковых пристроек. Обычный четырехэтажный кирпичный дом посреди яблоневого сада, никаких архитектурных излишеств, все предельно функционально, как в хейнбирсе.

Меня осмотрел сначала плешивый старик в красном плаще, потом юная девушка в небесно-голубом платье, украшенном многочисленными рюшечками, кружавчиками и искусственными цветами, потом тощий мужчина средних лет с властным тонкогубым лицом, одетый в боевую кожаную куртку, потом молодой человек, похожий на пьяницу, в помятом камзоле, протертом на локтях, а потом я потерял счет лицам. Я стоял в центре пентаграммы и на луче гексаграммы, меня водили по кругу силы, рассматривая через призму гномьего хрусталя, мою руку вкладывали в разнообразные магические приспособления, больше похожие на орудия пыток, три или четыре раза меня кормили, раз десять, когда я валился с ног от усталости, меня взбадривали заклинаниями, и, когда, казалось, прошло уже несколько дней, я покинул скромное здание в яблоневом саду.

Не помню, как я добрался до постоянного двора, возможно, меня несли на руках. Помню только, что, оказавшись в своей комнате, я повалился на кровать и немедленно заснул, не имея сил даже на то, чтобы снять сапоги.

10.2

Я ожидал, что за дверью окажется еще одна комната, но я ошибся. Дверь вывела меня на дно глубокого и узкого оврага с отвесными стенами. Я посмотрел наверх и увидел только переплетение ветвей многочисленных деревьев, густо растущих на склонах. Ни одно дерево не росло достаточно низко, чтобы можно было ухватиться за него и взобраться наверх. Но мне и не нужно наверх.

По дну оврага весело журчал ручеек, вытекающий из расщелины на склоне. Я с удовольствием напился. Чистая ключевая вода не сравнится по вкусу ни с чем, разве что с умело приготовленным пивом. Я медленно, прогулочным шагом двинулся вдоль ручья.

Не успел я пройти и ста шагов, как мое внимание привлекла дверь в склоне оврага. Без всякого сомнения, хоббичья нора. Я радостно устремился к ней, я только сейчас понял, как мне не хватало все это время общества равных.

Я вежливо постучался, и через минуту дверь открылась. Я опешил – на пороге стояла юная девушка.

Вам не понять красоту девушки-хоббита, вам не понять, как неизъяснимо-прекрасны могут быть маленькие круглые глазки со светло-коричневой радужкой и розоватыми белками,

какое сладкое томление вызывает у хоббита-юноши идеальный круг девичьего лица, нарушаемый лишь выступами пухленьких щек, какие чувства поднимаются в душе при единственном взгляде на упитанные ножки, густо поросшие мягчайшей шерстью... Впрочем, я тоже не понимаю, что такого замечательного в признанных человеческих красавицах, для меня они все – огромные, угловатые и тонконогие цапли с вытянутыми, какими-то птичьими лицами. Воистину, у каждой расы свои представления о прекрасном.

Я учтиво поклонился и церемонно представился, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно:

– Хэмфаст, сын Долгаста из рода Брендибэк к твоим услугам, прелестная незнакомка.

Прелестная незнакомка церемонно присела и произнесла:

– Нехалления, дочь... – Она замялась, будто безуспешно пыталась что-то вспомнить, но так и замерла с открытым ртом. Неужели она не помнит, кто ее отец?

11.1

Когда я проснулся, за окном был ранний вечер. Интересно, я так долго проспал или маги так долго меня изучали? Не помню.

Я оделся, умылся, вышел в обеденную залу к завтраку (или к ужину?) и в этот момент понял, что кольцо исчезло.

Вначале я подумал, что прославленные аннурские маги сумели-таки снять с меня это проклятое кольцо, но, когда я сообщил о пропаже кольца Дромадрону, оказалось, что маги здесь ни при чем. Кольцо просто исчезло, пока я спал, исчезло, непонятно почему.

Дромадрон взволновался и снова побежал в Крепость. Я успел поесть и выпить пива, а затем наступила ночь, и мое тело снова обследовали, и мою душу снова изучали, и это было еще утомительнее, чем в первый раз, а самое противное заключалось в том, что мое начинающееся опьянение убили заклинанием в самом начале экзекуции.

11.2

Настало время поговорить о сексуальном поведении хоббитов.

Всем разумным расам Средиземья введена любовь, но каждый понимает ее по-своему. Для орка любовь – высшее проявление долга, для гнома – природная сила, подобная тем, что заставляют вызревать самоцветы в подземных жилах, для человека... люди больше всех говорят о любви, они посвящают ей сотни стихов и тысячи песен, но на самом деле любовь не значит для людей почти ничего. Иначе почему в половине людских королевств законом допускаются разводы? Почему повсюду среди людей супружеская измена считается в порядке вещей? Почему в каждом большом городе сотни женщин живут тем, что совокупляются за деньги, иные до десяти раз на дню? И после всего этого людские поэты смеют утверждать, что имеют право говорить о любви!

Для нас, хоббитов, любовь – это мечта, чаще всего, к сожалению, недостижимая. Когда юноша-хоббит достигает брачного возраста, его родители или опекуны находят ему достойную пару, играется свадьба, и молодая семья начинает долгий и счастливый путь от порывистой юности к степенной зрелости и мудрой старости. У нас почти не бывает семейных ссор, ведь какой хоббит в здравом уме посмеет обидеть жену словом или, паче того, поднять на нее руку? Каждый хоббит с малолетства знает назубок заветы предков, и кто осмелится их преступить? Люди думают, что мы боимся наказания за нарушение законов, но это не так. Просто законы нельзя нарушать, и каждый хоббит признает это всем сердцем и расписался бы под этими словами кровью, если бы потребовалось. Люди не удивляются, что среди нас нет преступников и пьяниц, они объясняют это нашим природным миролюбием. Но семейную жизнь хоббита людям не понять.

Изредка, примерно раз в поколение, случается так, что хоббит влюбляется. Он становится рассеянным, любая работа валится у него из рук, и только вид возлюбленной, ее улыбка и добрые слова на какое-то время возвращают его в нормальное состояние. У такого хоббита меняется аура, и, когда визард понимает, что произошло, юноша приходит в хейнбирс и проходит через необходимые ритуалы, и собирается совет клана, и визард провозглашает, что в клане появился влюбленный. Спешно играют свадьбу, и никого не волнует, что юноша может быть сыном золотаря, а его возлюбленная – дочерью вождя. Когда в клане присутствует истинная любовь – это великое счастье. Не только потому, что влюбленный хоббит после свадьбы неизбежно становится лучшим мужчиной клана, овладевая присущим ему талантом лучше любого не изведавшего великой тайны любви. Но и потому, что хоббиты, общающиеся с влюбленным, освещаются светом его ауры, и в течение трех лет, а бывает и пяти-шести, клан не покидает удача.

Раз в несколько столетий в клане происходит великое чудо обоюдной любви. Тогда аура девушки устремляется навстречу влюбленному юноше, потоки маны переплетаются, и происходят удивительнейшие вещи. Хейнбирс удваивает магическую силу, визард открывает для клана неведомые ранее заклинания, охотники никогда не возвращаются без добычи, рожь и ячмень дают урожай даже в дождливые годы, младенцы перестают умирать, у всех молодых матерей всегда хватает молока, торговля становится удачной. Осчастливленный клан надолго приобретает могущество. Кто знал триста лет назад, кто такие Вжеллинги? А теперь они третьи после Брендибэков и Бэггинсов. Дети, рожденные от священного союза, достигают великих высот в общественном положении, старший сын счастливой пары всегда становится вождем клана. Дети старого вождя с радостью уступают ему право наследования, ведь воспрепятствовать благословенному означает воспротивиться процветанию клана, а кто отважится даже подумать о таком?

Я не визард, и мне неведома традиционная магия моего народа, которую Учитель называет низшей. Но я уже умею чувствовать колебания своей ауры, и, похоже, те странные трепетания, что впервые проявились вчера, нельзя объяснить ничем иным, кроме как тем, что на меня снизошла благодать. И то, как аура Нехаллени устремила ко мне, и то, что напряженность маны мгновенно удвоилась, тоже нельзя объяснить ничем иным. Наши астральные сущности слились, слились еще до того, как мы успели завершить приветствие, и в мире зародилось то новое, имя которому любовь.

Все это здорово, но Нехаллени не принадлежит к моему клану. Само по себе это не страшно, это даже хорошо, но то, что она не принадлежит ни к какому другому клану, – просто ужасно. Ведь в соответствии с законами нашего народа такое существо, как она, просто не может существовать. Хоббит, не помнящий отца, – это нонсенс!

Мы долго разговаривали с Нехалленией. Оказалось, что, когда разговор идет о каких-то бытовых мелочах, она – совершенно обычный хоббит. Она знает и умеет все, что должна знать и уметь пятнадцатилетняя девушка, но ее личностная память абсолютно пуста. Она не помнит своих родителей, она не знает, из какого она клана, хотя она знает, что хоббит вне клана немислим. Она знает, как надлежит жать рожь, пасти свиней и готовить пищу, но сама она никогда не делала этого, ведь в ее жилище есть точно такая же волшебная дверь, как в моей каморке, и там всегда находишь то, что тебе нужно. Она не помнит, когда впервые осознала себя, и я не набрался смелости сказать ей, что она сотворена всего час назад и что единственная цель ее сотворения состояла в том, чтобы я не перенапрягся, просиживая дни и ночи над магической книгой.

Можно ли считать хоббитом существо, сотворенное магическим образом и не знающее родителей? Если да, то какое место оно должно занять в сложной структуре хоббитьего клана? Не зная ответов на эти вопросы, нельзя принять решение, что делать с ней дальше. Дематериализовать? Хоббиту невозможно даже помыслить об убийстве себе подобного. Оставить здесь?

Хоббит никогда не оставит хоббита в беде, и не важно, что девушка считает, что с ней все в порядке. Впрочем, она так уже не считает – когда Нехалления поняла, что мои вопросы не имеют ответов, она расплакалась, и непросто было прекратить течение ее слез. Я обещал, что не оставлю ее, и теперь я не могу ее оставить, ведь хоббит не может нарушить слово, данное другому хоббиту. Мне придется взять ее с собой в Хоббитанию, а я не могу это сделать, ведь любому визарду хватит единственного взгляда, чтобы понять, что эта красавица не настоящий хоббит, и мне страшно представить себе, что визард о ней подумает.

Учитель был прав – я не захотел долго оставаться в жилище Нехалления. Я возвращался в свою каморку почти с радостью, я хотел снова припасть к волшебной книге и хотя бы на минуту забыть о вопросах, на которые не могу ответить. Но, когда мои глаза привыкли к полумраку, я увидел, что за моим столом сидит Учитель.

Он выглядел каким-то взъерошенным и в то же время довольным, как мартовский кот, вернувшийся домой после недельного отсутствия. Он пил вино, и, приглядевшись, я понял, что Учитель уже навеселе.

Учитель взмахнул рукой и вытащил из воздуха сверкающий бокал гномьей работы, подобный тому, что держал в руке. Он наполнил бокал из кувшина, и меня восхитил рубиновый оттенок вина, пробивающийся сквозь искусно обработанный горный хрусталь. Учитель протянул мне драгоценный сосуд и провозгласил:

– Поздравляю тебя, Хэмфаст, наша миссия завершена. Выпьем за нашу удачу!

Только что мне казалось, что сегодняшний день вместил в себя уже слишком много событий, но теперь выясняется, что это еще не предел. Я выпил, вино оказалось великолепным, я тупо помотал головой, будто бы только что проснулся, и спросил:

– Учитель, но в чем заключалась наша миссия? Учитель хмыкнул.

– Трудно объяснить это так, чтобы ты понял. Понимаешь, Хэмфаст, я рассчитывал, что выполнение миссии займет несколько месяцев, может быть год, я не мог и помыслить, что мы справимся за пять дней. Даже я не понимал, насколько расслабило аннурских магов столетие без войны. Они вообще не попытались решить проблему самостоятельно... впрочем, по порядку.

Учитель надолго замолчал.

– Если бы ты, Хэмфаст, прочел до конца эту книгу и еще вторую книгу...

– Вторую книгу?

– Не перебивай меня. Да, существует и вторая книга. Если бы ты прочел ее, ты бы узнал, что такое ключ силы, и мне не пришлось бы подыскивать слова, способные объяснить его суть и в то же время доступные твоему разумению. Но я попробую. Слушай.

Каждый маг, имеющий в судьбе пусть даже мизерную долю скилла, имеет доступ к ключу силы. Ключ силы – это нечто совершенно особенное и не похожее ни на что другое в известном нам мире. Каждый, кто получает скилл, проходя обряд принятия судьбы, получает и ключ силы. Точнее, не сам ключ, а как бы нить, ведущую к нему и позволяющую творить волшебство. Каждое заклинание, даже самое примитивное, требует, чтобы заклинаящий имел нить, ведущую к ключу силы.

Долгое время я считал, что в Средиземье существует единственный ключ силы, внесенный валарами при сотворении мира, и что этим ключом пользуются все маги всех народов. Но когда я попытался проникнуть заклятиями познания в тайны Запретного Квадрата, я узнал, что причина моих неудач вовсе не в том, что я неправильно сплетаю заклинания или что я применяю заклинания к неподобающим объектам. В один удивительный день я понял, что загадочные слова, сообщаемые элементаром “Познать последний результат”, означают попросту “доступ запрещен”.

Тогда я стал изучать, что нужно для того, чтобы доступ стал разрешен, и что вообще такое этот доступ. Я выяснил, что в мире существует ключ силы и что где-то должны существовать и

другие ключи. Я обследовал все Средиземье, это отняло почти пятьдесят лет, и я убедился, что других ключей силы в Средиземье нет. Некоторое время я думал, что их нет нигде. Но потом я стал систематизировать заклинания, требующие использования особого, необычного ключа силы, и скоро я нашел закономерность: все эти заклинания – это те заклинания, с помощью которых валары и майары творили мир.

– Так что, – я перебил Учителя, – другой ключ силы есть только у майаров? Ты обрел его и теперь равен силой майарам? Равен Гэндальфу?

– Наверное, да, – ответил Учитель, немного смутившись. – Я еще не освоил заклинания майаров, но это вопрос времени. Пожалуй, по силе я действительно равен Гэндальфу, – он усмехнулся. – Вот уж с кем ни за что не стал бы себя сравнивать.

– Но почему?

– Я знаю, вы, хоббиты, поклоняетесь Гэндальфу...

– Мы не поклоняемся Гэндальфу! Хоббиты никому не поклоняются!

– Ну да, это было неудачное слово. Скажем так, вы почитаете Гэндальфа. Но если внимательно прочесть Красную книгу... Как ты думаешь, Хэмфаст, почему Гэндальф заставил хоббитов делать свою работу?

– Как это – делать свою работу?

– Гэндальф участвовал в сотворении мира. Когда мир начал рушиться, кто должен был исправить ситуацию? Когда только что построенный дом начинает проседать, кто виноват – строитель или жилец?

– Ты хочешь сказать, что в восстании Саурана виноват Гэндальф?

– Не только Гэндальф, но и все майары. А также валары. Почему они не дематериализовали Мелькора в первые же часы его нелепого бунта?

– Но, Учитель... это же всем известно. Мелькор был сильнейшим из валаров...

– Сильнее самого Эру Илуватара?

– Нет, но...

– Что значит “но”? Почему Эру не вмешался? Почему валары почти не вмешивались в мордорские войны, поручив свои проблемы майарам и эльфам? Почему, когда Мелькор был повержен, валары не уничтожили его окончательно? Пожалели? Не хватило сил? Не верю! Кто был сильнее: Мелькор или Саурон? Отвечай!

– Мелькор, конечно...

– Почему тогда валары столько лет позволяли Саурону потрясать Средиземье? Любой из них мог расправиться с Сауроном в одиночку за считанные минуты, а что сделали они? Снарядили разведгруппу из четырех майаров, один из которых тут же перешел на сторону врага, двое дезертировали, а четвертый не нашел ничего лучше, чем перепоручить свою миссию хоббитам.

– Но закон равновесия...

– Закон равновесия не помешал валарам расправиться с Нуменором! Когда речь зашла об угрозе их могуществу, они среагировали быстро и жестко.

– Разве Саурон не угрожал их могуществу?

– Как? Что из деяний Саурана было направлено против валаров?

– Все! Ну или почти все. Он собрал огромное войнство...

– Сорок тысяч пеших и десять тысяч конных. Летающие не в счет – их было меньше сотни.

– Разве?

– Абсолютно точно. Пусть я и родился после войны с Сауроном, я успел застать в живых многих участников той войны.

– Сколько же тебе лет, Учитель? Учитель закатил глаза под потолок и зашевелил губами:

– Три тысячи... гм... тридцать... шесть. Я опешил:

– Так ты родился до Эльфийского Исхода?

– Да. А что тебя удивляет?

– Ты так давно открыл секрет бессмертия и ни с кем не поделился?

Учитель расхохотался:

– Ты еще ничего не понял? Я не человек, я эльф. Последний из западных эльфов.

– Но ты выглядишь как человек.

– После Исхода я принял облик человека. Я не хотел привлекать к себе излишнее внимание.

– Но как ты остался в Средиземье после той войны? Ты был ранен и тебя бросили товарищи? Учитель нахмурился:

– Я вообще не участвовал в той войне. Вряд ли ты мне поверишь, но так случилось не потому, что я трус. Я просто не заметил войны с Олмером. – Взгляд Учителя затуманился маревом воспоминаний. – Тогда мне было всего тридцать лет. По эльфийским меркам я был еще ребенком. Я был любопытен и хотел все знать. Я был лучшим из молодых магов поселка, я тратил все силы на постижение новых знаний. Случилось так, что я случайно наткнулся на высшую магию. Я заметил в Книге Холмов странную закономерность, своего рода упорядоченность... Нет, не так... Это была как бы периодическая система заклинаний, если выписать базовые структуры и расписать их по группам, получается...

– Система октав? Ее открыл Ниелор Аннуинский через тысячу лет.

– Какая, к Морготу, система октав! Система октав – это выхолощенная проекция того, чему на самом деле подчиняется поле маны. Уйдя за море, эльфы забрали с собой Книгу Холмов, и молодым расам не досталось почти ничего из эльфийского опыта. Люди повторили многие открытия, но они до сих пор не обнаружили никаких следов октавы смерти, они не различают две октавы тьмы... Я уж не говорю о более глубоких тайнах. Не зная, что такое дивергенция, строить классификацию вихрей просто бессмысленно.

– Дивергенция?

– Это я сказал к примеру. Дивергенция – это произведение... Впрочем, ты все равно не поймешь это без высшей математики. Не бери в голову! Природа маны чрезвычайно сложна и запутанна, но тебе не потребуется вникать в нее. Потому что я обнаружил элементалы. Когда я рассказал своему учителю об этом открытии, он отмахнулся от меня, он сказал, что я занимаюсь ерундой, что от моих мудрствований не будет никакой пользы, что я глуп и самонадеян, раз вознамерился сделать то, что оказалось не под силу никому из мудрецов древних эпох. Я обиделся.

Учитель тяжело вздохнул:

– Наверное, я зря обиделся. Если бы я не обиделся, Исхода могло бы и не быть. Но теперь уже ничего не поделаешь, ведь время нельзя повернуть вспять, оно неподвластно никакой магии. В общем, я решил изучать высшую магию самостоятельно. Учитель настаивал, чтобы я направлял свои силы на прикладную магию, предназначенную для удовлетворения текущих потребностей общества, мне приходилось заниматься своими личными опытами в редкие минуты, которые отрывал от сна и отдыха, и, когда я научился выходить за пределы мира, я сотворил свой мир.

– Сотворил свой мир?

– Ну... это трудно назвать полноценным миром, это просто несколько разрозненных комнат, зданий, садов, лужаек... Кстати, мы сейчас в этом мире.

– Разве мир, сотворенный Эру, не единственный?

– Всего существует пять миров. Есть несколько элементалов, позволяющих их перечислить. Ты помнишь элементал “Найти существо”?

– Он упоминался в конце первого раздела, но подробного описания там не было.

– Не было? Жаль. В общем, элементарно “Найти мир” очень похож на него. Короче, сотворить мир совсем не трудно. Трудно сотворить полноценный мир, да и то потому, что очень много работы. Зачем, думаешь, Илуватару потребовались валары и майары?

– Зачем?

– Ему лень было сотворять все те мелочи, из которых складывается мир. Впрочем, мы отвлеклись... Короче говоря, я получил ключ силы. Его мощь не беспредельна, но того, что есть, хватит надолго.

– Что ты будешь делать с этим ключом?

– Я познаю то, что до сих пор было мне недоступно. Запретный Квадрат, Заморье... Было бы интересно пообщаться со старыми знакомыми.

– Ты хочешь уйти в Заморье?

– Для начала я посмотрю, что там делается. Но еще раньше я разберусь с Запретным Квадратом.

– А что такого необычного в этом Запретном Квадрате?

– Если бы я знал, я бы не интересовался им так сильно. То, что мне известно сейчас... Извини, Хэмфаст, но ты не поймешь даже этого, тебе еще очень многому нужно научиться. Если ты захочешь, конечно. Сейчас миссия выполнена, мне от тебя ничего больше не нужно, ты теперь совершенно свободен...

– Ты больше не будешь меня учить? Учитель на мгновение заколебался:

– Почему же? Ты мне понравился. Ты во многом похож на того, каким был я, когда разбирался с октавами. Я буду тебя учить, Хэмфаст, – резко сказал Учитель, видимо, приняв окончательное решение. – Не так, как сейчас, боюсь, у меня не найдется достаточно времени, но я дам тебе необходимые книги. Одна у тебя уже есть, вот вторая. – Учитель вытащил ее из воздуха. – Вот это, – он вытащил из воздуха еще одну книгу, – список элементаров с комментариями. Думаю, тебе хватит лет на десять.

– Десять лет? Я не смогу потратить столько времени, ведь мы, хоббиты, смертны.

– Уже через месяц ты сможешь творить со своим телом все, что сможешь вообразить. Если захочешь, сможешь стать бессмертным, в этом нет ничего сложного. Только заклинания, которые собираешься применять к себе, вначале проверяй на других существах. А то мало ли что... – Учитель брезгливо передернул плечами. – Я-то дошел до этого задним умом.

– Я смогу обратиться к тебе за советом или помощью?

– Конечно. Если не будешь злоупотреблять. – Учитель усмехнулся. – Запомни эти руны, – в воздухе появились четыре руны, сложившиеся в бессмысленное сочетание, – когда дочитаешь третий раздел первой книги, ты сможешь их использовать для связи со мной. Я отвечу. А теперь нам надо сделать одно неотложное дело. – Учитель замаялся. – Как бы это тебе объяснить?... В общем, Хэмфаст, сейчас в Средиземье существует два тебя. Я глупо переспросил:

– Два меня?

– Да, два тебя. Помнишь, мы встретились в круге судьбы и я перенес тебя сюда? Так вот, на самом деле тогда произошло раздвоение. Один ты и один я перенеслись в это самое место, и дальше все было так, как ты помнишь. А другому тебе другой я вручил кольцо.

– Какое кольцо?

– Магический артефакт в форме кольца, я сам его сделал. Обладает невидимостью, после надевания на палец дополнительно приобретает неощутимость и неснимаемость. Еще имеется ограниченная аккумуляция маны, в общем забавная безделушка.

– Забавная безделушка? Любопытный подумал бы, что это одно из потерянных колец!

– Для того я его и сделал. Визард твоего клана им очень заинтересовался, он тоже подумал, что это одно из потерянных колец, утратившее большую часть силы, но по-прежнему смертельно опасное. Дополнительные исследования не смогли показать ничего нового, ведь в этом кольце нет никакой волшебной сущности, кроме той, что видна невооруженным магиче-

ским зрением. В общем, визард утвердился во мнении, что в нем есть какая-то великая сила, столь хорошо замаскированная, что страшно даже подумать, что она могла бы сделать, если бы хотела не маскироваться, а действовать.

– Ты хотел напугать Дромадрона?

– Дромадрона? Это твой визард? Нет. Зачем мне его пугать? Я хотел напугать магов аннурского университета.

– Зачем?

– Мне нужен был ключ силы. В Средиземье его нет, а к Валинору у меня не было доступа. Значит, нужно было выманить в Средиземье кого-нибудь обладающего этим ключом.

– Значит, ты сотворил кольцо, похожее на кольцо Саурона...

– Нет, оно совсем не похоже на кольцо Саурона. Оно скорее похоже на одно из орочьих колец, по ошибке надетое на палец хоббита и потому почти не проявляющее себя. Я не смог бы похоже изобразить кольцо Саурона, да к тому же все знают, что оно сгорело в Ородруине.

– Получается, все подумали, что это одно из великих колец прошлого, но никто не смог проникнуть в его тайны. И что, маги воззвали к майарам?

– Ага. Я не ожидал, что это произойдет так скоро. Я полагал, что они вначале попробуют разобраться самостоятельно, организуют правильную осаду артефакта, посетят Древоборода, Ортханк...

– Что посетят?

– Разве ты не знаешь о Древоборode?

– Нет, про Древоборода я знаю, это есть в Красной книге.

– Про Ортханк тоже было написано в Оранжевой книге. Только потом, при переписывании, упоминание о нем изъяли из текста. Кто-то не хотел, чтобы разумные знали об этом месте.

– А что там такое?

– Говорящая башня. Судя по всему, ее фундамент заложен во времена Нуменора. Она, кстати, располагается не так далеко отсюда. Но мы опять отвлекаемся. В общем, маги воззвали к майарам, и кто-то из них заглянул в Средиземье.

– И он увидел кольцо?

– Нет. Как только открылись врата миров, сработало специальное заклинание, и кольцо моментально исчезло. Врата миров оставались открытыми около часа, а потом закрылись. Судя по возмущениям маны в окрестностях Аннуина, кто-то из сильных удостоил посещением этот город. Потом он удалился, вероятно, бормоча под нос, что университетским магам надо меньше пить и больше закусывать.

– И что теперь?

– Теперь все хорошо. У меня есть ключ силы, я скопировал его, как только майар вошел во врата. Теперь нам осталось только выполнить последнюю часть нашей миссии – твои тела и души должны быть объединены. Сейчас я совершу заклинание, и ты окажешься... ох, совсем забыл! Я не могу позволить тебе вынести отсюда волшебные книги. Вот, – он извлек из воздуха лист пергамента, – заклинание, которое позволит тебе перемещаться сюда...

– Подожди, – я перебил Учителя, – ты хочешь переместить меня в Средиземье, в тело другого меня?

– Конечно, а как же иначе? Там твой дом, твой клан, там весь смысл твоей жизни. А ты хочешь исчезнуть из Средиземья и остаться здесь?

– Я смогу потом вернуться обратно?

– Конечно. Но что тебя привлекает здесь, в этой каморке?

– В этой каморке – ничего. А в зоне отдыха, которую ты сотворил для меня, живет девушка.

Учитель присвистнул:

– Любовь?

Я кивнул. Учитель присвистнул еще раз:

– Она хотя бы односторонняя?

Я покачал головой. Учитель грязно выругался. Меня передернуло. Я, конечно, понимаю, что глупо думать, будто проклятие, обращенное на самого себя, обязательно возымеет действие, но если представить себе в красках... Моргот, несомненно, мужского пола, и он может... нет, я не пожелал бы такого не только самому себе, но и вообще никому и ни при каких обстоятельствах!

Учитель мрачно посмотрел на пустой стакан в руке, и стакан немедленно наполнился, а через несколько мгновений снова опустел. Учитель выглядел подавленным. Он смущенно пробормотал:

– Я должен был это предвидеть. О чем может мечтать юный хоббит? Моргот меня... – Он увидел ужас в моих глазах и осекся. – Что же теперь делать?

Я пожал плечами.

– Я не могу вернуться туда без нее, – резко сказал я. – А вернуться с ней я тоже не могу, ведь клан ее не признает.

– Это точно. Кстати, что у нее с памятью? Базовые навыки, очевидно, есть, а личностная память?

– Абсолютно пуста. Она даже не помнит, кто ее отец.

– Еще бы она помнила! Хорошо, твоим базовым телом будет вот это, – он показал на меня пальцем, – а остальное решим потом. В любом случае, через пару месяцев ты станешь настолько крут, что сможешь заставить своего... Как его там, Дромадрон?.. В общем, заставишь Дромадрона принять ее в клан, и будете жить долго и счастливо. Короче, Хэмфаст! Сейчас мы совершим объединение, а потом решай сам, что делать с этой девицей. Главное – не торопись, вначале прочитай хотя бы первую книгу. Но достаточно разговоров!

Учитель привел в действие высшую магию, и произошло объединение.

12

Только что было два Хэмфаста, и вот я опять один. Я разговаривал с Учителем и одновременно лежал на кресте, нарисованном на каменном полу кровью какого-то магического зверя. Морготы маги никак не угомонятся – все пытаются разобраться с кольцом, а кольцо-то исчезло! Я страдал от усталости, и эта усталость была одновременно двух видов – когда дел слишком много и когда дел слишком мало. Я думал о своей любви и одновременно думал о дороге домой. Нас было двое, мы были очень похожие, но все-таки разные, и вот теперь мы слились.

Это напоминало встречу двух братьев-близнецов, знающих друг друга с самого рождения и расставшихся на неделю волей обстоятельств. Только наша встреча произошла внутри одного тела.

Я посмотрел на себя и усмехнулся.

Я тоже посмотрел на себя и усмехнулся.

– Вот ты какой! – одновременно сказали мы.

А потом я узнал, что у меня есть любимая. И одновременно я узнал, что побывал в столице Аннура.

– Круто! – сказали мы друг другу.

Я сказал, что Учитель сволочь, потому что он насмеялся надо мной, и над Дромадромом, и над Хардингом, и над всем кланом, и даже над университетскими магами, которым, впрочем, так и надо. Я возразил, что Учитель открыл передо мной мир высшей магии и, более того, подарил мне истинную обоюдостороннюю любовь, и потому он вовсе не сволочь, а очень хороший человек, то есть эльф. Я ответил, что все это круто, но он сделал это не просто так,

бескорыстно, а чтобы добыть неведомый ключ силы, а зачем ему нужен ключ силы, это еще вопрос, и кто знает, может быть, наш Учитель принесет в Средиземье столько же зла, сколько принес Саурон, или даже больше. Но я не согласился, я сказал, что, будь Учитель злым, он бы убил меня сразу же после выполнения миссии. И я заткнулся.

А потом я сказал:

– Теперь мы вместе. И я согласился:

– Теперь мы вместе. – И добавил: – Навсегда.

Глава вторая ВО ВСЕМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОРЯДОК

1

Прошел месяц. Я изучил второй раздел книги Учителя, и в жилище Нехаллени появилось волшебное зеркало, в которое я вложил все свои новообретенные знания.

С виду это обычное зеркало. Но если произнести кодовое слово, а затем название предмета или существа, зеркало показывает то, что названо. При этом изображение в зеркале выглядит так, будто ты смотришь не в зеркало, а в окно. То есть, если ты видишь раскрытую книгу, ты можешь читать ее, не испытывая нужды разбирать зеркально отраженные руны.

Само зеркало устроено очень просто, вообще, магия управления неодушевленными предметами предельно проста. Ты вникаешь в предмет, постигаешь его внутреннюю структуру, вникаешь в то, что ты хочешь от предмета, и меняешь в структуре предмета наполнение тех полей, которые необходимо изменить. И предмет приобретает те свойства, которые ты хочешь в него вложить. Не нужно сплетать сложные заклинания, не нужно предусматривать реакцию на внешние раздражители, ведь неодушевленные предметы не реагируют на изменения окружающего мира. А само изменение структуры выполняется пятью простыми элементалами. Только в отдельных случаях, когда структура изменяемого предмета очень сложна, требуются особые заклинания, чтобы ускорить преобразование.

Если говорить с магической строгостью, мое зеркало – это не предмет, а артефакт, то, что занимает промежуточное положение между живым и неживым. Артефакты умеют реагировать на некоторые раздражители, но все возможные действия вносятся в душу артефакта магом, на самостоятельные действия артефакт не способен. Вот над душой зеркала мне как раз пришлось поработать.

Труднее всего было добиться, чтобы зеркалом мог управлять тот, кто не обладает магической силой. Пришлось создать слуховой центр, способный понимать речь, и предусмотреть правильную магическую реакцию на голосовые команды. Если бы я создавал зеркало для личного пользования, я бы ограничился непосредственным магическим управлением, но Нехаллени не умеет повелевать элементалами.

Непросто оказалось и организовать поиск существа, которое следует показать. С неодушевленными предметами все просто, а вот элементал “Найти существо” действует только в пределах одного мира, поэтому мне пришлось придумать некую нетривиальную процедуру. В режиме поиска одушевленного существа зеркало создает свою копию, которую перемещает в мир Средиземья, и поиск ведет эта копия. А изображение и звук передаются между мирами через внутреннюю память артефакта в ту копию, которая показывает существо пользователю.

В общем, получившееся зеркало смело можно назвать выдающимся творением. Думаю, в аннурском университете его зачли бы как магистерскую диссертацию.

Я преподнес волшебное зеркало в подарок Нехаллени. Я не мог даже предположить, что она так обрадуется. С запоздалым раскаянием я понял, как тоскливо и одиноко ей было все это время. Каждый вечер я проводил три часа у нее в гостях, а все остальное время она сходила с ума от безделья и одиночества. Чем занять себя, если у тебя есть все необходимое для жизни и ты свободна от хозяйственных забот, а ничего другого не умеешь делать? Все мое время было занято магической учебой, но Нехаллени еще не приняла судьбу, у нее совсем нет скилла, и к тому же она неграмотна. Ей не с кем поговорить, негде погулять, в общем, когда

я все это понял, мне стало так стыдно, так стыдно... Но теперь уже ничего не поделаешь, тем более что у моей возлюбленной появилось занятие.

Получив зеркало, Нехалления стала проводить возле него почти все время. Она очень быстро освоила управление зеркалом и уже через неделю знала о Средиземье много больше, чем декан факультета географии аннурского университета. Она нашла говорящую башню Ортханка, и действительно, похоже, что эта башня помнит Нуменор. Нехалления заглянула в темное нутро Морийских гор и в запретные владения Древоборода, она вдоволь налюбовалась памятниками Минатора, Аннуина и Нообурга, она познакомилась с жизнью разумных в Ангмаре и Полночной Орде, Рохане и Хараде, Хазге и загадочной стране восточных варваров. А потом ее внимание привлекла Хоббитания.

Нехалления часами сидела перед зеркалом, неотрывно наблюдая за тем, как живут хоббиты, как они добывают пищу и одежду, как они торгуют с людьми, как зачинают, рожают и выращивают детей, как магия визардов помогает строить и жить, как на советах кланов решаются вопросы, которые не решить в одиночку. Чем больше Нехалления наблюдала повседневную жизнь родного и одновременно чужого народа, тем больше ее привлекало это необычное подглядывание. Однажды она спросила меня:

– Хэмфаст, – сказала она, – когда ты прочтешь все волшебные книги, ты вернешься домой?

– Конечно, – ответил я, – ведь это же мой дом.

– Ты возьмешь меня с собой?

– Естественно. Я же тебе обещал.

– Я освобождаю тебя от этого обещания.

– Но почему?

– Я не хочу, чтобы оно принесло тебе несчастье. Твой клан не примет меня.

– Ты думаешь, что жизнь без тебя может принести мне счастье?

– Не знаю. – Она помолчала. – Это и есть любовь?

– Да.

– Ты уверен? Ведь совет визардов не провозглашал нас возлюбленной парой.

– Я уверен. Мне не нужен совет визардов, чтобы разобраться в своих чувствах.

– Тогда почему ты не называешь меня своей женой?

И в самом деле – почему? Ведь в законах главное – их дух, а не руны, которыми записаны слова. И если я уверен, что люблю и любим, зачем мне формальные подтверждения?

Но я просто не могу назвать своей женой девушку, которая не связана со мной священным обрядом. Я понимаю, что этот обряд ничего не изменит в наших душах, но я знаю, что без него нельзя создать семью. Просто нельзя. И как можно назвать женой девушку, не принявшую судьбу? Это все равно что назвать женой ребенка, это, в конце концов, извращение! Я понимаю, что законы не могут предусмотреть все, но это не избавляет меня от необходимости им подчиняться.

Я ничего не смог ответить. Нехалления вздохнула и тоже ничего не сказала. Скоро я решу эту проблему, я придумаю что-то такое, что позволит нам связать свои Судьбы и быть вместе до тех пор, пока смерть не разлучит нас. Но прежде я должен дочитать книгу.

2

Прошел еще месяц. Я осилил третий раздел книги, и, похоже, теперь я – второй маг Средиземья после Учителя. Если, конечно, не считать майаров, которые, хотя постоянно обитают в другом мире, время от времени навещают Средиземье.

Третий раздел книги Учителя называется “Души разумных существ”, и, надо сказать, его содержание полностью соответствует названию. Еще надо сказать, что разумная душа устро-

ена немногим сложнее, чем неразумная. То есть она устроена сложнее, но различия не качественные, а количественные. Если ты умеешь менять природу предмета, превращая его в артефакт, то можешь изменить и природу разумного существа. Потребуется другие элементалы, но управиться с ними не намного труднее.

Я проник в собственную душу и превратил себя в подобие живого артефакта. Я выяснил, что такое судьба. Оказалось, это совсем не то, что принято подразумевать под этим понятием. Судьба – всего лишь набор свойств, заполняющих соответствующие поля в структуре души. Каждое существо имеет свой набор, и то, какие свойства есть у этого существа, и то, насколько выражено каждое свойство, все это вместе и определяет судьбу. Если у тебя много скилла, силы и отваги, быть тебе боевым магом. А если скилл есть, а сила с отвагой напрочь отсутствуют, зато имеются интуиция и креативность, быть тебе визардом. Ну и так далее.

Вначале я заполнил все поля своей судьбы и установил каждому свойству максимальную выраженность. Но, посмотрев на то, как вокруг меня искривились течения маны, я сразу же понял, какую глупость сделал. Хорошо, что я физически нахожусь в другом мире, иначе появление подобного мне сверхсущества моментально всполошило бы все Средиземье. Я вернул свои свойства в исходное состояние, разве что чуть-чуть увеличил скилл и силу магии, а заодно физическую силу, здоровье и выносливость. А еще я сплел заклинание, которое непрерывно оценивает степень опасности окружающей обстановки и в случае необходимости увеличивает значения соответствующих свойств до требуемых величин. Я применил это заклинание к себе, и получилось, что в обычной обстановке я – обычный хоббит, но, когда мне грозит опасность, я становлюсь практически неуязвимым для нее, а моя сила, как физическая, так и магическая, всегда превосходит силу противника.

Еще я навесил на себя заклинание отражения через мыслеобразы, способность автоматически познавать чужие заклинания, направленные против меня (так называемый глаз орла), установил функцию подъема схолярности до предельного уровня, на котором я могу извлекать заклинания непосредственно из памяти заклинающего, ну и еще с десятков подобных приятных мелочей.

Теперь я могу помериться силой с любым магом Средиземья, кроме Учителя. Я связался с Учителем, чтобы похвастаться своими успехами, но он не захотел со мной разговаривать. Едва он понял, что у меня нет никакого важного дела, как прервал связь. Кстати, я так и не знаю, где сейчас физически находится Учитель. Я точно знаю, что он в Средиземье, но его не достает ни одно заклинание поиска, дотянуться до него можно только через рунный идентификатор, который он сам мне передал. Интересно, как он достиг таких результатов? Вероятно, чтобы это понять, нужно дочитать обе книги до конца.

Наигравшись со своей душой, я отправился к Нехаллени. Теперь ей не нужно медитировать в круге судьбы, я могу сам вложить в ее душу все необходимые данные. И, пожалуй, я смогу наложить на нее маскирующее заклятие, которое позволит ввести ее в клан. Например, как будто она потеряла память при странных обстоятельствах, наводящих на мысль о злокозненном волшебстве, но загадочный колдун не оставил почти никаких зацепок, кое-что о нем сказать можно, но выследить не получится. Девочка ни в чем не виновата, она не знает, где ее клан, но мы должны помочь ей найти родной клан, а если не найдем, принять ее к себе. Да, пожалуй, я наложу на нее такое заклинание.

С этими мыслями я вошел в дом Нехаллени, но меня ждал неприятный сюрприз. Она исчезла.

3

Меня охватило отчаяние. Я подумал, что Нехаллени исчезла навсегда, что Учитель, сотворяя ее, допустил какую-то ошибку, что она дематериализовалась из-за некачественного

заклинания, как не раз дематериализовывались мои неудачные создания. Но я быстро взял себя в руки.

Магическое зеркало. Заклинание отбора вариантов. Запрос: хоббит женского пола, имя – Нехалления. Нескончаемую минуту заклинание перебирает подходящих хоббитов, и вот результат. В волшебном зеркале я увидел мою любимую, и первой моей реакцией было недоумение – как такое могло случиться?

В зеркале отражалась гостиняя Самого Большого Дома клана Брендибэк, Нехалления сидела на стуле для непочетных гостей, в креслах развалились Хардинг и Дромадрон, они беседовали.

– Как такое может быть? – спрашивает дядюшка Хардинг, обращаясь к Дромадрону. – Ты когда-нибудь слышал о чем-то подобном?

– Нет, – отвечает Дромадрон, – но все когда-то происходит в первый раз. Так, значит, Нехалления, этот, гм... учитель оставил Хэмфасту три книги и один свиток пергамента?

И в этот момент я все понял.

Дверь моей каморки, ведущая в Хоббитанию. Односторонняя дверь, которую создал Учитель, чтобы я не чувствовал себя узником в темнице. Дверь, которая больше не нужна, но все еще существует, потому что никто не позаботился ее ликвидировать. Она расположена рядом с дверью, ведущей в овраг, что соединяет мое жилище с домом Нехаллении. Я рассказывал ей об этой двери, она знала, что для того, чтобы пройти через нее, не обязательно обладать магической силой. И вот Нехалления прошла через дверь, прошла в двух шагах от меня, а я даже не заметил этого, сплетая очередное заклинание. Но она знала, что не сможет вернуться обратно! Почему же она ушла? Она отчаялась ждать, когда я перестану погружаться в книги и снизойду до нее, когда я задумаюсь над тем, что живу не только для себя? Почему я не сделал этого раньше? Почему я хотя бы не успокоил ее, не обнадежил, не сказал, что ей осталось ждать совсем недолго? Почему я никогда не принимал ее всерьез, не как объект для приложения своей абстрактной любви, а как живого хоббита-женщину, за которую я несу ответственность? Краска стыда залила мои щеки. Я спешно выполнил заклинание перехода.

– Да, Дромадрон, – сказал я, – три книги и один свиток. Кстати, Нехалления, ты села на неподобающее место. – И я указал ей на кресло для почетных гостей.

Нехалления не двинулась со стула, и я выполнил заклятие перемещения. Затем я опустился в свое собственное кресло, которое одновременно переместил из угла гостиной туда, где я стоял. Получилось эффектно: казалось, что я сейчас глупо сяду на пол, но, когда падение стало неотвратимым, под моим сидением материализовалось кресло.

Хардинг и Дромадрон потрясенно молчали. Я протянул руку, вытащил из воздуха раскуренную трубку и затянулся с важным видом. Я вообще-то не курю, но в такой момент надо чем-то себя занять, чтобы не выглядеть ожидающим чужого решения.

Дромадрон нервно прокашлялся и спросил непослушным голосом:

– Хэмфаст, что с тобой произошло?

– Разве Нехалления вам не рассказала?

– Она рассказала, но ее рассказ ничего не проясняет, ведь она не поняла почти ничего из того, что увидела. Кто такой учитель? Как его истинное имя?

Я с удивлением сообразил, что не знаю истинного имени Учителя, он так и не удосужился сообщить его мне. Я хотел было сказать, что Учитель – эльф, но вовремя остановился. Я не могу раскрыть тайну Учителя даже самым близким хоббитам, ведь тайна, которую знают трое, – это уже не тайна, и то, что я расскажу, немедленно разнесется по Средиземью, а когда это узнают майары, они поймут, что сделал Учитель, и тогда... убить одного эльфа наверняка проще, чем утопить целую страну. И я не стал раскрывать тайну Учителя. Вместо этого я сказал:

– Он – один из сильнейших магов Средиземья. Он не называл своего имени, он пояснил, что не может этого сделать. Я не знаю, кто он, но его сила превосходит все мыслимые пределы. И в нем нет зла.

Дромадрон кивнул.

– Ты говоришь правду, твоя аура не затуманена ложью. Ты не знаешь в точности, кто такой Учитель, но у тебя наверняка есть предположения.

– Я не хочу говорить о них. Думаю, что раз Учитель не назвал свое имя, то он хотел остаться неизвестным, и мне не следует раскрывать его инкогнито, тем более что я не уверен в своих догадках.

В этот момент у меня сработал глаз орла. Заклинание постижения правды, направленное на меня, предстало перед моим внутренним взором, будто написанное на невидимом пергаменте. Я мгновенно понял принцип его действия, оно реагирует на специфические колебания маны, порождаемые произносимой ложью. Я сотворил магический фильтр и окружил им свою голову. Произошел небольшой выброс маны, Дромадрон дернул щекой и спросил:

– Что ты сейчас сделал, Хэмфаст?

– Ничего. Я еще не слишком хорошо умею обращаться с маной, иногда бывают спонтанные выбросы.

Заклинание Дромадрона подтвердило, что я говорю правду, и Дромадрон успокоился.

– Не волнуйся, – сказал он, – умение держать потоки приходит с опытом. Я вижу, учитель многому тебя научил. Нехалления рассказывала про зеркало...

Дромадрон сделал многозначительную паузу, но я промолчал. Он спросил несколько разочарованно:

– Ты не хочешь поделиться со мной этим заклинанием?

Я обратил взор на большое зеркало, висящее между двумя гобеленами, один из которых изображал, как Фолко Великий командует ополчением, а второй – как Фолко Великий убивает вождя орков. Отработанное заклинание легко слилось с отполированной бронзой, превратив зеркало в артефакт. Заодно я организовал вокруг зеркала маленький вихрь маны, ведь иначе Дромадрон понял бы, что высшая магия не имеет никакого отношения к полю маны, а это ему ни к чему.

Дромадрон потянулся было магическим взглядом к свежесотворенному артефакту, но вовремя пересилил себя. Он досадливо поморщился:

– Я просил тебя поделиться заклинанием, а не артефактом.

– Зачем тебе заклинание? – деланно удивился я. – Клану вполне хватит одного такого зеркала. Дромадрон снова поморщился.

– Ты не хочешь делиться знанием с родным кланом, – сказал он. – Почему?

– Это знание опасно.

– Любое знание опасно. Разве это зеркало более опасно, чем заклятие самонаведения?

– Да. В самом зеркале нет ничего опасного, но принципы построения заклинания...

– Принципы построения заклинания везде одинаковы, – перебил меня Дромадрон.

Я не стал противоречить мудрому визарду, вместо этого я открыл его душу и удвоил его скилл.

– Теперь ты понимаешь? – спросил я.

– Что? – удивился Дромадрон.

– Загляни внутрь себя.

Дромадрон заглянул и... Не знаю, как можно выразить его потрясение, кроме как в нецензурных выражениях. В общем, Дромадрон догадался. Он пробормотал:

– Если это тебе по силам... Кажется, я знаю, кто твой учитель.

– Теперь ты понял, почему я не произнес вслух его имя?

– Я понял, – лицо Дромадрона помертвело. – Он появляется так редко... – Дромадрон надолго замолчал. В разговор вступил Хардинг. Он спросил:

– Значит, Хэмфаст, ты не можешь передать клану те знания, что ты обрел в путешествии?

– Да. Я действительно не могу сделать это.

– Ты знаешь, что гласит закон по этому поводу?

– Это особый случай.

– Особых случаев не бывает! – отрезал Хардинг. – Все хоббиты равны перед законом, исключений из этого правила нет и быть не может. Закон говорит, что знание каждого хоббита принадлежит клану в лице его вождя. Вождь имеет право на любое знание любого хоббита клана.

– Я не могу передать мое знание даже тебе! – отчаянно воскликнул я. К чему он клонит? Изгнание??

– Из нашей истории нам ведомы примеры, – продолжал тем временем Хардинг, – когда обстоятельства складывались так, что хоббит не мог подчиниться законам клана, ибо слепое следование закону привело бы к беде все Средиземье, а значит и родной клан хоббита. Ты знаешь, что происходило с такими хоббитами.

У меня внезапно сел голос. Мне пришлось прокашляться, чтобы произнести следующие слова:

– Ты имеешь в виду героев? Ты считаешь, что я могу стать шестым героем?

– Конечно! За все время от сотворения мира не было хоббита, чья магическая сила могла бы сравниться с твоей. Неужели твой учитель дал тебе силу просто так? Нет, он никогда не появляется в Средиземье без веских причин. Если Гэн... – Хардинг замаялся. – Если он снизошел в наш мир, значит, нас ждут великие потрясения. А в час великих потрясений всегда находится хоббит, который получает великий дар во имя спасения Средиземья. В этот раз выбор пал на тебя, и я скажу, что это не самый плохой выбор. Жалко, конечно, что ты не сможешь сменить меня в роли вождя и Дромадрона в роли визарда, но...

– Как? – перебил я Хардинга. – Никогда не было, чтобы вождь и визард совмещались в одном хоббите!

– Все когда-то происходит в первый раз, – возразил Хардинг, – ты обладаешь всеми качествами, необходимыми вождю, а кроме того, и хорошим скиллом. Ты мог бы объединить в своих руках всю силу клана. Но, видать, высшие силы приготовили тебе другое предназначение. Кстати, Дромадрон, тебе следует снять заклинание с Олеси.

Дромадрон кивнул, а я воскликнул, не в силах поверить в то, что уже понял:

– Какое заклинание?!

– Олесья рожает только дочерей, – пояснил Дромадрон. – Я сделал так по просьбе Хардинга, ведь, если бы она родила сына, ты не смог бы стать вождем.

– Ты, Хардинг, отказался от счастья иметь сына только ради меня?!

– Не только ради тебя и вообще не ради тебя, а ради клана. Ты стал бы великим вождем, а это важнее для клана, чем мое счастье.

Моргот меня раздери! Если бы не Учитель, я мог бы стать самым прославленным хоббитом Средиземья! Вождь сильнейшего клана, да еще и визард одновременно... Впрочем, тогда я не смог бы повелевать элементалами, а это может принести мне еще большую славу. Если бы вождь и визард не оказались такими упертыми... Я предпринял последнюю попытку:

– Если я уйду, как раньше ушел Фолко, я больше никогда не вернусь, и клан не сможет воспользоваться моими талантами. А ведь я могу очень многое, если я останусь в клане, нам не придется больше голодать, волки не причинят зла нашим детям и нашим свиньям, у нас... Да мы станем такими сильными, что никакой другой клан не сможет даже мечтать о том, чтобы превзойти Брендибэков! И я могу отказаться и от места вождя, и от места визарда, мне не нужна власть, благо клана для меня важнее всего.

– Ты говоришь как настоящий герой, – отвечивал Хардинг. – Но если бы Фолко отказал Торину и остался в клане, он не научился бы военному мастерству и в час орочьего вторжения Хоббитания оказалась бы беззащитна. Нет, Хэмфаст, твой путь отныне расходится с путем клана. Ты можешь вернуться только во славе.

– Разве того, что я сделал, – я кивнул на зеркало, – недостаточно, чтобы сказать, что я вернулся во славе? Хардинг разгневался.

– Хэмфаст, – воскликнул он, – не заставляй меня упрекать тебя в малодушии! Твой путь предначертан, и негоже тебе уклоняться от собственного пути. Наберись мужества следовать начертанию судьбы, и ты обретешь силу, мудрость и счастье. Если же ты уклонишься, тебя ждет изгнание. И не почетное изгнание героя, а позорное изгнание преступника. Я все сказал, Хэмфаст! Собирай свои вещи и удаляйся, завтрашнее утро не должно застать тебя на земле клана.

Что ж, сказано недвусмысленно, после этого возражать просто невозможно. Я обратился к Нехаллени:

– Ты можешь выбрать, с кем ты свяжешь свою жизнь – со мной или с кланом. Нехалления оскорбилась:

– И ты еще сомневаешься! Разве ты разлюбил меня?!

Дромадрон сдавленно охнул:

– Еще и любовь! И ты, Хэмфаст, еще сомневаешься в своем предназначении?! Мне стыдно за тебя!

В общем, меня обругали со всех сторон. Я взял Нехаллению за руку, и мы перенеслись в тот мир, что теперь принадлежит только нам двоим.

4

Четвертый раздел первой книги Учителя посвящен вратам миров. Я внимательно прочитал его, но не стал выполнять проверочные задания. Врата миров – вещь очень полезная, но мне она без нужды, поскольку меня не интересует ни Валинор, ни загадочный Запретный Квадрат. Врата миров можно применять для перемещения или разговора и в пределах одного мира, но для этого есть другие, более эффективные способы.

В общем, к концу сентября я дочитал первую книгу до конца. Мне стало казаться, что я уже постиг все важнейшие заклинания, а все, что написано во второй книге, может пригодиться только для совсем запредельного волшебства, как если бы я вдруг захотел превратить всех орков Средиземья в хоббитов или превратить Мордорскую пустыню в главную житницу Ганнара. Наверняка я неправ, но от этого чувства никак не удастся избавиться.

Когда мы с Нехалленией вернулись в наш мир, мы, впервые поругались. Впрочем, ругались мы недолго, да и то все это время ругался я, а Нехалления слушала и молчала, а потом заплакала. И я начал утешать ее, я говорил ей, что люблю ее, я извинялся за то, что обращал на нее так мало внимания, а она говорила, что она недостойна меня, что она неграмотная дура, что она устала ничего не делать, что она хочет жить сама, а не наблюдать за чужой жизнью, но она уже поняла, что ей это не суждено. Я спросил, почему она так решила, и Нехалления рассказала, что произошло после того, как она впервые ступила на землю Хоббитании.

Пройдя через дверь, она очутилась на краю круга судьбы, на том самом месте, где произошло мое раздвоение. Она села в позу болотной кувшинки и совершила медитацию. Она знала, что это надлежит делать ночью, но она не хотела ждать ночи. Медитация прошла успешно, и Нехалления обрела судьбу. Только вот судьба эта оказалась совершенно пуста – ни одно из базовых свойств души не было заполнено. Фактически она оставалась ребенком, и теперь у нее больше не было надежды когда-нибудь стать нормальным хоббитом.

Дромадрон, давно вернувшийся из Аннуина, заметил волнение маны возле круга судьбы и отправился проверить, в чем дело, ведь в круге в это время не было никого из юных хоббитов клана. Когда Дромадрон встретил Нехаллению, он был потрясен. Никогда еще не было так, чтобы хоббит принял пустую судьбу. Дромадрон привел Нехаллению к Хардингу, и они стали ее расспрашивать, и Нехалления рассказала все, что знала. Когда она уже закончила говорить, а Хардинг с Дромадроном уточняли второстепенные детали ее рассказа, появился я.

Теперь мы изгнанники. Точнее, я изгнанник, а Нехалления вообще не имеет статуса. Если бы она осталась в клане, ее статус определил бы совет визардов, но, раз она ушла, нет нужды собирать совет, и ее положение остается неопределенным. Мы больше не сможем вернуться в клан, но я не могу сказать, что сильно расстроен. Законы хоббитов мудры. Не зря в глубокой древности мудрые визарды решили, что герои стоят вне закона. Я представил себе, как трудно было бы мне соблюдать все необходимые обряды и установления, сколько разнообразных запретов пришлось бы нарушать или обходить... Нет, в одинокой жизни есть свои преимущества. Я буду тосковать по клану, по маме и отчиму, по друзьям и подругам, но мне не придется ежечасно думать о том, как совместить мою магическую силу, запредельную по хоббичьим меркам, с жесткими жизненными правилами. Например, имею ли я право пользоваться магией во время охоты на волков? Нет, потому что я не визард и не подмастерье визарда. Только эти хоббиты могут бросать боевые заклинания, ведь неумелое заклинание скорее уничтожит товарищей непутевого мага, чем преследуемую стаю. Но я сильнее любого визарда Хоббитании, и я уже достаточно освоил магию, чтобы не делать грубых ошибок. Однако закон есть закон, и я не имею права творить боевую волшбу.

В общем, я осмыслил свой путь и пришел к выводу, что дядюшка Хардинг принял правильное решение. Мне следует поблагодарить его, если мы с ним еще встретимся, ведь сам я из ложной скромности не смог бы назвать себя героем и вести себя как герой. Я бы попытался вести скромную жизнь обычного хоббита. Кто знает, к каким бедам это могло привести?

Только одно нехорошо получилось. Властители клана думают, что мой Учитель – это Гэндальф. Я не говорил впрямую, что это так, но они истолковали мои слова как согласие и теперь непоколебимо уверены, что я служу позитивному аватару, как раньше служили ему пятеро хоббитов, двое из которых – Брендибэки. Получается, что я обманул визарда. Хорошо, что я герой и стою вне законов, иначе моя совесть вконец замучила бы меня.

Я изменил судьбу Нехаллени. Я назначил ей те же свойства, что и себе, и применил к ней сторожевое заклинание, которое ранее навесил на себя. Теперь Нехалления третий маг Средиземья после Учителя и меня, но она не может сплести ни одного заклинания, потому что сила без умения – ничто. Я мог бы дать ей первую книгу Учителя, эта книга более мне не нужна, но Нехалления не умеет читать даже по-хоббичьи, не говоря уж об аннурских рунах, которыми написана книга. Я стал учить ее грамоте, для начала хоббичьей, есть у меня идея – сотворить серого переводчика и заставить его перевести книги Учителя на хоббичий язык, тогда Нехалления сможет обойтись без постижения аннурской письменности.

Я изменил судьбу Нехаллени в тот самый вечер, когда мы вернулись из Средиземья, и она плакала, уронив голову мне на колени. Я изменил ее судьбу и спросил:

– Теперь ты понимаешь, что ты – настоящий хоббит? Нехалления попыталась пожать плечами (в ее позе это оказалось неудобно).

– Не знаю, – сказала она, – я чувствую себя как настоящий хоббит, но почему тогда моя первая судьба оказалась пустой?

Настала моя очередь пожимать плечами.

– Я не могу сказать точно, – произнес я, – ясно, что это оттого, что ты появилась на свет необычным путем, но как именно это отразилось на твоей судьбе... не знаю. Почему ты оказалась такой красавицей? Почему ты знаешь то, что никогда не делала? Почему ты умеешь говорить, но не умеешь читать и писать? Высшая магия очень сложна, и даже Учитель не знает

ответов на многие вопросы. Одно из главнейших правил высшей магии гласит: все, что ты упустил из вида, может быть любым. Каким угодно, без всяких ограничений. Ты получила пустую судьбу, но зато твоя внешность великолепна. Когда ты шла в Самый Большой Дом, ты встречала женщин на улицах?

– Да. Они так смотрели на меня...

Я представил себе, каково им было увидеть, как мимо проходит само совершенство. Я усмехнулся и спросил неожиданно для самого себя:

– Нехалления, ты выйдешь за меня замуж? Она просияла.

– Конечно, Хэмфаст! – И вдруг помрачнела. – Но ни один визард нас не обвенчает.

– Нам не нужен визард, – возразил я, – мы стоим вне законов, и нам достаточно только обоюдного желания.

– Тогда мы муж и жена? – удивилась Нехалления.

– Да, мы муж и жена, – подтвердил я и притянул ее к себе. Наши губы слились, как два месяца назад слились наши ауры, и я перестал контролировать себя.

5

Наступил октябрь. В нашем мире царит вечное лето, но в далекой Хоббитании всюю льют осенние дожди, а в краях Полночной Орды первый снег ложится на орочью землю.

Я прочитал вторую книгу Учителя. Впрочем, “прочитал” – слишком громкое слово, скорее, я внимательно пролистал ее, не вдаваясь в технические детали описываемых магических структур, а ограничиваясь постижением общих концепций. Для меня эта книга бесполезна, в этом уже нельзя сомневаться. Учитель подробно описал, как можно наложить магический замок на предмет, артефакт или существо, но любой маг, имеющий тот же самый ключ силы, откроет этот замок без труда. А ведь все маги Средиземья, кроме Учителя, пользуются одним и тем же ключом силы.

Я разобрался, что такое ключ силы, и понял, как Учитель получил силу майаров. Я только не понял, как Учитель сумел втиснуть свои артефакты во врата, соединяющие Средиземье с Валинором, но это, по большому счету, не так важно. Я выяснил, как можно воззвать к майарам, чтобы они точно услышали твой зов. К сожалению, для этого недостаточно обычного ключа силы смертных магов, а если воспользоваться ключом Учителя, майары сразу поймут, что кто-то из смертных осмелился прикоснуться к их силе.

В общем, книга толковая, но бесполезная.

Моя любовь к Нехаллению расцвела пышным цветком после того, как я стал спать в ее постели. Теперь я понимаю, откуда берутся чудеса, создаваемые влюбленными парами. Стоит нам слить наши тела, как уровень маны в спальне моментально увеличивается на одну пядь, а потом... В лучшие ночи бывало и учетверение естественного фона.

Я окончательно переселился к Нехаллению, каморка, в которой начиналась моя учеба, теперь совершенно пуста и заброшена, ведь изучать заклинания куда приятнее, валяясь на широкой кровати, чем сидя за некрашеным столом на неудобном, рассчитанном на человека, стуле, под тусклым мертвенным светом магического светильника. Мы похожи на двух студентов человеческого университета, мы ничего не делаем, только читаем ученые книги: я – вторую книгу Учителя, Нехалления – букварь. Но, сдастся мне, такая жизнь продлится недолго. Есть время учиться, и есть время действовать. И второе время неумолимо приближается.

6

Холод, дождь, слякоть. В Хоббитании со дня на день ляжет первый снег, а в Могильных Пустошах никак не кончится осень. Это хорошо – мантикорам трудно летать в ненастную погоду.

Настало время действовать. Я прочитал все, что оставил мне Учитель. Не могу сказать, что абсолютно все понял, но я не вижу смысла в дальнейшем познании. Моих теперешних знаний достаточно, чтобы сделать много нужных и полезных дел.

Для начала я решил очистить Средиземье от мантикор. Я никогда не думал, что смогу отомстить за отца так всеобъемлюще, но сейчас я знаю – эта задача мне по силам. Ведь что такое мантикора? Это просто живое существо, созданное с помощью традиционной магии. Обычный тупой летающий хищник, чьих мозгов хватает на то, чтобы находить, преследовать и убивать добычу, но недостаточно для того, чтобы понять, что охотиться лучше, сбившись в стаю.

Мантикора – очень сильный и опасный хищник, недаром ее боятся все разумные и неразумные существа, и ни один купец не рискнет провести караван через Пустоши без десятка хазгских лучников да трех магов с рогатыми посохами. Мантикора умеет работать с маной, но ей доступно только одно волшебство – поддерживать полет своего могучего тела. Такое тело, как у нее, не смогут удержать в воздухе никакие крылья, а, используя ману, мантикора покрывает в час до пятидесяти миль. Крылья, кстати, у мантикоры тоже есть, только совсем куцые, и использует их она не для полета, а для маневрирования.

Внешне мантикора похожа на помесь льва, орла и скорпиона. У нее отличное зрение, и, кружа под облаками, она способна углядеть желанную добычу за десятки миль. Увидев лошадь, корову, дикого ишака, человека или хоббита, мантикора мчится к выбранной жертве, никуда не сворачивая и не отклоняясь. За милю или чуть больше до цели она переходит на бреющий полет, и, если мишень все еще не видит приближающуюся опасность, мантикора внезапно выныривает из-за деревьев или крутого склона – и участь жертвы предрешена. Могучие лапы ломают позвоночник, когти вцепляются в шкуру или одежду, и мантикора взмывает в небо, как будто не замечая, что ее вес удвоился. Если добыча еще трепыхается, в ход идут зубы, а в особо сложных случаях и ядовитое жало на конце хвоста. Никто и никогда не вырывался из лап мантикоры.

Если разумный, которого мантикора выбрала своей добычей, успел заметить ее, еще когда она была маленькой точкой высоко в небе, у разумного есть шанс. Поймать момент, когда он на минуту выпал из поля зрения хищника, и укрыться, используя любые предметы и складки местности. Опытный маг может просто укрыться плащом, укрепив свою маскировку заклинанием отвода глаз, а очень сильный маг может, помимо себя, прикрыть и небольшой отряд.

Когда мантикора видит, что намеченная цель исчезла, она приземляется и начинает искать добычу. А поскольку слух и обоняние мантикоры немногим уступают ее зрению, она находит добычу всегда. И единственное, что может спасти разумного, – это драконья кость или рогатый посох. Мантикора дает своей жертве только один шанс – дождаться, когда она повернется спиной, и всадить в спину чудовища сотню миниатюрных волшебных молний, срывающихся с оконечности магического оружия. Обычное оружие тоже может ранить мантикору, но подойти к ней на расстояние удара мечом или копьем и остаться при этом в живых никому еще не удавалось. Стрелы же не причиняют мантикоре большого вреда, они ранят ее, отвлекают внимание, но никто еще не сумел одолеть мантикору без магического оружия. Правда, хазги говорят, что давным-давно Церег Отважный поразил мантикору тремя неоперенными стрелами, две из которых он всадил в глаза монстра, а третью – в сердце. Но я в это не верю – разве что та мантикора была готова издохнуть от старости.

Кстати, неправильно говорить о мантикоре “она”, мантикоры не имеют пола, как и половых органов. Они не способны размножаться, и никто не знает, где и как они появляются на свет. Первые мантикоры появились в конце Хтонского конфликта, и их было так много, что многотысячные армии в панике разбежались: аннурцы – на север, ганнарцы – на юг, и с тех пор Аннур и Ганнар ни разу не сходились на поле брани. С момента вторжения прошло уже почти сто лет, те твари, что рвали на части воинов великих держав, давным-давно издохли, но откуда-то появляются все новые и новые исчадия тьмы. С годами их становится меньше, но их число уменьшается слишком медленно, пройдет не одно столетие, прежде чем люди снова появятся в Могильных Пустошах. Где рождаются мантикоры? Этого не знает никто, и эту тайну я намерен раскрыть.

Разыскать в Средиземье живых мантикор оказалось несложно. Я наложил дополнительное заклинание на колдовское зеркало Нехаллени (теперь уже наше общее), и зеркало показало мне, где можно найти мерзких тварей. Только одна из них охотилась в северном Рохане, все остальные находились в пределах Пустошей. Их оказалось больше, чем я ожидал, – почти тысяча. Еще одна загадка – как они добывают в Пустошах потребное пропитание?

Я рассчитывал, что распределение мантикор по территории позволит определить, где располагается их гнездилище. Я узнал, где сейчас находится каждая мантикора, и, когда я спроецировал эти данные на карту, получилась столь удивительная картина, что маги аннурского университета наверняка присвоили бы мне звание доктора, если бы увидели ее.

Мантикоры располагались в строгом порядке в узлах квадратной решетки, точно выровненной по сторонам света и занимающей всю территорию Пустошей. Единственная мантикора, порхавшая над Роханом, не вписывалась в общую картину, но это не страшно – правил без исключений не бывает. Понятно, что они заняли такой порядок не по своей воле, значит, ими до сих пор управляет чья-то злая магия. И я разберусь, чья это магия.

Я сотворил заклинание перемещения и в мгновение ока оказался в самом центре Пустошей. В четверти мили к западу от меня находится одна из мантикор. Я немедленно захватил ее колдовским зрением – даже с моей силой надо быть предельно осторожным, находясь рядом с мантикорой. Я не стал налагать на себя невидимость и неощутимость – мантикора заметит меня по звуку шагов и запаху тела, а накладывать дополнительно неслышимость и необоняемость слишком утомительно даже для меня. Я хотел было сам принять облик мантикоры, но оказалось, что без соответствующих заклинаний тело мантикоры настолько неудобно и неповоротливо, что лучше оставаться хоббитом. А получить необходимые заклинания у меня не получится: схолярность не поможет, потому что у мантикоры нет мозгов, а глаз орла – потому что эти заклинания не направлены против меня.

В общем, я двинулся к мантикоре, не изменяя облика и не совершая никаких магических действий, чтобы не привлекать к себе внимания того, кто контролирует мантикор. Со стороны, наверное, я смотрелся забавно – маленький хоббит, ничем не вооруженный и промокший с ног до головы, отважно приближается к самому опасному хищнику западного мира, поминутно поскальзываясь на мокрой траве.

Когда до мантикоры осталось футов триста, я ощутил, как она встрепенулась. Странное оцепенение, в котором пребывала ее неразумная душа, мгновенно прошло, крупная голова повернулась на короткой шее, крылья растопырились, готовясь управлять движениями летящего тела, лапы напряжились, хвост загнулся к затылку, в жало на всякий случай скользнула капля нервно-паралитического яда. Десять ударов сердца, и инстинкт подсказал хищнику, что нужно делать.

До этого момента я видел мантикору только магическим зрением, и для меня стало неожиданностью, когда поросль неизвестного мне кустарника с колючими ветками как будто взорвалась, вытолкнув могучее темно-бежевое тело. Мантикора бесшумно прыгнула навстречу мне, и ее прыжок перешел в полет. Крылья встрепенулись, выравнивая воздушные потоки,

обтекающие массивное туловище, а затем начали отклоняться к хвосту, готовя ускорение перед последним ударом. Я еле-еле успел подготовить заклинание, еще несколько мгновений, и мне пришлось бы стать первым из смертных, поразивших мантикору голыми руками. Славно, но глупо.

Но я успел сотворить заклинание, и мантикора зависла в воздухе. Волна маны гнала ее вперед, но она не перемещалась, она лишь едва заметно подергивалась вперед и назад – каждое мгновение мое заклинание исправно перемещало ее в исходную позицию.

С минуту я просто стоял и любовался зверем. Да, это страшное существо, уничтожившее за свою жизнь не один десяток людей, гномов, орков и хоббитов, но это не мешает ему быть прекрасным. Любое совершенство прекрасно, и совершенное оружие убийства не является исключением. Впечатление портит только очевидная безмозглость, заставляющая мощные лапы бестолково бить по воздуху, а глотку – издавать жалобно-удивленное повизгивание.

Повизгивание сменилось воплем, от которого у меня заложило уши, и я спешно установил вокруг полог неслышимости. Не хватало мне еще, чтобы родичи этой твари собрались посмотреть, что я с ней делаю. И вообще, хватит любоваться, пора заниматься делом.

Значит, так. Захватываем мыслеобраз, не такой уж он и большой, не более миллиона понятий, совсем тупая зверюга. Что у нас с кратковременной памятью? Фу, как плохо... У нее совсем нет чувства времени. Смена дня и ночи фиксируется? Нет? Она что, видит в темноте? Видит, и неплохо, хотя поле зрения весьма ограничено. Посмотрим, что она помнит о последней охоте.

Снег? Точно снег? Точно, ошибка исключена. Сколько же она не ела? В Пустошах снег обычно ложится в декабре, а сходит в феврале. А судя по местности, в которой проходила охота, это не Пустоши, а либо Хазг, либо Рохан. Впрочем, не важно, климат там не сильно отличается от местного. Значит, она ничего не ела по меньшей мере девять месяцев. Что у нас с обменом веществ? Совершенно нормальная скорость для существа таких размеров. Что она там съела? Кажется, дикую лошадь. Этого ей могло хватить на месяц, не больше. Она что, была в спячке? Похоже на то. Что ее пробудило?

Ну это и ежу ясно – мое приближение. А что усыпило? Что-то магическое, сразу не разберешься.

Я направил на мантикору заклятие постижения правды. Стыдно признаться, но других заклинаний низшей магии я до сих пор не знаю – не удосужился выучить. Ясно, что постигать правду в ответах мантикоры бессмысленно – она не дает вообще никаких ответов, но сейчас мне не важно, какое заклинание налагать. Смотрим на ману... Похоже на какой-то усилитель. Фильтр маны между мной и ею... Повторное наложение... Да тут, пожалуй, не только усилитель, но и приемная антенна! Дистанционное управление, проще говоря. Куда ориентирована антенна? Точно не определить, но похоже, что никуда, при такой чувствительности ориентация не нужна. Значит, кто-то ею управляет...

А как насчет обратной связи? Сейчас она явно ничего не передает, я бы заметил, но в прошлом... Ага, вот и оно! Около восьми месяцев назад, ранней весной. Чужое прикосновение к долговременной памяти, чье-то магическое щупальце грубо и бесцеремонно роется в воспоминаниях, не обращая внимания на то, какую боль оно причиняет мантикоре. И приказ: оставаться на месте до особого распоряжения, быть в спячке, но наблюдать, при обнаружении чужого присутствия... гм... дать сигнал... Почему я его не заметил? Понятно почему – передача, в отличие от приема, идет по узкому лучу. Ну-ка, посмотрим, куда направлен этот луч... На вершину кургана. Какого-то конкретного или ближайшего? Ближайшего. Тоже полезная информация. Надо прогуляться до ближайшего кургана, когда я закончу с мантикорой.

Что здесь еще интересного? Встречи с разумными существами... Все до единой закончились смертью разумных и последующим пожиранием их тел. Значит, с хозяином эта тварь общалась только по магической связи. Кстати... как я раньше этого не заметил! Способность

к магической связи не присуща мантикоре изначально, это работает какой-то артефакт... конечно! Вот он, ошейник, практически не заметный под львиной гривой. Посмотрим, посмотрим... Сторожевое заклинание... бабах!

Моргот разодрал бы этих магов во все щели десять раз без смазки! Ничего не скажешь, хорошее заклинание. Если бы я не ввел в себя функцию автоматического повышения здоровья, осталась бы от меня горсть золы. А мантикору жалко.

Я попытался вытереть с лица остатки мантикору, но не преуспел в этом. А одежду теперь вообще не отмыть. Ладно, пока сойдет и так, а к Нехаллени вернусь голым, благо что она теперь моя жена и это ее не шокирует. Я выругался еще раз, ликвидировал ненужные более заклинания и переместился к ближайшему кургану.

7

Курган. Обитель загадочных умертвий, про которых неизвестно почти ничего. Нематериальные твари, способные к психическому внушению, но не умеющие пробить заклинанием простейший магический щит. Несмотря на нематериальность, уязвимы для обычного оружия. Служат тьме, хотя точно неизвестно, как именно. Судя по всему, разумны, хотя вопрос о степени разумности остается открытым. Уже несколько столетий умертвия не выходили на поверхность земли, и только Оранжевая книга не позволяет сомневаться в их реальности.

Я до предела напряг магическое зрение, вглядываясь в основание земляного холма, но никаких умертвий не обнаружил. Есть какие-то подземные ходы, из которых ощутимо тянет волшебной силой, но ничего живого или псевдоживого там нет. Теперь посмотрим, что творится на вершине.

Так и есть – артефакт. Да какой мощный! Локальное повышение фона ощущается даже за пятьсот футов. Кто же его заряжал? И каким образом, хотел бы я знать? Впрочем... Точно, он не нуждается в подзарядке, под курганом ощущается какой-то древний источник маны, похоже, что артефакт черпает магическую энергию прямо из-под земли. Изящно. Неизвестные маги, устроившие все это безобразие, несомненно, несут зло и не имеют права продолжать существование, но все равно я восхищаюсь тем, как оригинально они решили технические проблемы. Организовав сотовую связь с узлами на вершинах курганов, они убили сразу трех зайцев: обеспечили большой радиус действия связи, получили в свое распоряжение дармовой источник энергии и решили проблему, защиты артефактов от несанкционированного доступа. В самом деле, если кто-нибудь отчаянный сунется в Могильные Пустоши, разве полезет он на вершину одного из курганов, от которых исходит древнее зло?

Минут пять я вглядывался в силовую нить, связывающую вершину кургана с подземельем. То ли внизу вообще нет ничего живого, то ли оно пребывает в той же неестественной спячке, что и мантикора, которую я пробудил своим приближением. Как бы то ни было, это может подождать, сейчас самое важное – то, что притаилось на вершине.

Я медленно двинулся вверх по скользкому склону, распространяя вокруг себя отвратительный запах сгоревшей мантикору. Я не хотел использовать заклинания ни для того, чтобы переместиться на вершину в мгновение ока, ни для того, чтобы истребить гадкую вонь. В первом случае магия могла оказаться опасной – лучше медленно приближаться к неизвестному, чем вдруг оказаться в самом сердце магической ловушки. Во втором случае, как говорят хазги, овчинка не стоит выделки. Запах хоть и мерзок, но дело не стоит того, чтобы тратить время, подбирая заклинания.

В общем, я мало-помалу поднимался к вершине и вскоре смог различить артефакт обычным зрением. Это был длинный шест (посох?), воткнутый футах в трех от мерцающего камня, венчающего вершину кургана. Но это только внешний облик, истинная суть любого артефакта

скрыта внутри, нельзя делать выводы о ее природе, не подойдя к исследуемому артефакту вплотную.

Я подошел вплотную к шесту, и это действительно оказался шест. Но не из дерева, а, похоже, из кости, если только в нашем мире может существовать кость без малого десяти футов в длину. Наверху шест заканчивался округлым куском янтаря размером с детскую голову, причем не было видно никаких следов того, что скрепляло кость и янтарь, казалось, будто янтарь вплавлен в кость или вырос на ней, как какой-то чудовищный плод.

Внутри артефакт выглядел обманчиво простым. Он углубляется в землю футов на пять и заканчивается скульптурным изображением человеческой руки. С этой стороны артефакт принимает энергию неведомого источника. Длинная костяная палка, похоже, не содержала никакой магической начинки и нужна только для того, чтобы вознести янтарь повыше над землей. А вот янтарь... Все знают, что янтарь преобразует силу маны в силу молний, поэтому напрашивается вывод, что природа энергии на выходе будет молниевая, но... никаких других подтверждений этому предположению нет. Впрочем, как и опровержений. Попробуем... нет, не так быстро. Этот шест, очевидно, снабжен сторожевыми заклинаниями, учитывая то, какая сила аккумулируется в янтарном навершии, лучше не пытаться провоцировать артефакт на ответные действия – мое защитное заклинание может не успеть. Заранее усилить свои защитные свойства? А почему бы и нет? Здесь на триста миль вокруг нет никого, на кого это могло бы произвести впечатление. Хорошо, сделано. Если этого не хватит для отражения магической атаки, значит, вообще ничего не хватит. Поехали!

Я проник в шест магическим зрением. Шест не реагировал. Его внутренние заклинания очень сильны, но их немного. Я мало что понимаю в них, но кое-что все-таки понимаю, и сдаётся мне, что этот шест – не более чем ретранслятор, преобразующий чистую ману в какие-то странные колебания молниевой природы. Если так, мне не понять, кто, когда и зачем установил здесь этот шест – у артефакта нет души, с которой можно снять мыслеобраз, а иначе эти данные не получить, ведь сигнал, выдаваемый шестом, не может быть направленным, а значит, получатель сообщения может находиться где угодно. Облом. Я задумался. Манतिकоры получают приказы посредством шестов, а шесты могут получать приказы любого, кто знает, как правильно сформулировать приказ. Все, что я увидел в Пустошах, – это исполнительные звенья сложной системы, сотворенной неизвестно кем, но, несомненно, в злых целях. Я не знаю, где мозг этой системы, и похоже, что мне этого не узнать. Что я могу сделать? Самое простое – дематериализовать всех манतिकор и все шесты. Но тогда я никогда не узнаю, кто виноват в том, что в Могильных Пустошах завелась эта мерзость. А как я могу это узнать? Надо заставить моего противника как-то проявить себя, другого пути нет. А как можно заставить противника проявить себя?

Поразмыслив, я дематериализовал шест. Естественно, ничего не случилось – сторожевое заклинание, если оно и было, просто не успело сработать, будучи уничтожено вместе с артефактом. Я сотворил простое заклинание поиска, и все шесты, стоящие на вершинах могильных курганов, оказались в моей власти. Я дематериализовал их. Манतिकор же я пока оставил в покое. Все они, кроме одной, кружащей над Роханом, пребывают в спячке и без шестов не смогут пробудиться от нее. Пусть спят. А когда неизвестные черные маги явятся в Пустоши разбираться, почему связь перестала работать, тогда я поговорю с ними по душам.

Кажется, все сделано. Я дематериализовал одежду, а затем перенесся домой.

8

В маленьком мире, ставшем домом для нас с Нехалленией, не бывает смены времен года, у нас всегда нежаркое лето. Вся северная половина Средиземья скована зимними морозами,

даже в Минаторе идет снег, который, впрочем, сразу же тает, а в странном мире, сотворенном Учителем, царит вечное лето.

Сегодня у меня радостный день – Нехалления сообщила мне, что ждет ребенка. Через восемь с половиной месяцев я стану отцом. Это настолько потрясающая новость, что мне требуется не один день, чтобы полностью осмыслить радостное известие. Наконец я понимаю во всей полноте, что именно произошло.

Ни один из героев прошлых эпох не оставил потомства, а у меня будет сын. Или дочь, но лучше сын. Почему-то я верю в то, что родится именно сын. А если есть муж, и жена, и ребенок, значит, есть полная семья. А полная семья может образовать клан. Среди хоббитов может появиться целый клан героев, стоящих вне всяких законов. Что тогда произойдет в Хоббитании? Я могу предположить несколько вариантов развития событий, и все они заставляют трепетать мою душу. Я могу стать аватаром или даже положить начало семейству собственных хоббичьих майаров. Я могу прийти с женой и детьми на свободную землю, объявить о создании нового клана и менять судьбу всем приходящим, давая им такое количество скилла, о котором не мечтают даже самые могучие визарды. Или мы можем по-прежнему жить с Нехаллением в нашем маленьком убежище, иногда навещаясь в Средиземье, чтобы устранить там очередное безобразие. Мне этот вариант нравится больше всего, но вот понравится ли он моему сыну, когда он подрастет?

Пожалуй, я не буду принимать решение прямо сейчас. Я подожду, когда настанет время, и тогда принять решение будет куда проще.

9

Когда в Хоббитании закончился ежегодный совет кланов, я навестил Хардинга и Дромадрона. Нельзя сказать, что они были мне очень рады, но и не возмутились моим появлением. Я обратился к ним с такими словами:

– Вы стоите во главе сильнейшего клана Хоббитании, и никто не знает лучше вас радости и горести нашего народа. Волей высших сил я получил в свои руки великую способность, но не знаю, как мне следует ею распорядиться. Я уже сделал свое первое дело, и теперь мантикоры больше не угрожают ни вам, ни людям.

В этот момент Дромадрон перебил меня:

– Как, Хэмфаст, ты уничтожил всех мантикор?!

– Не совсем, – ответил я, немного смутившись, – я погрузил их в спячку и уничтожил магические каналы, которые можно использовать для их пробуждения.

– Какие каналы?

– Те каналы, по которым ими управляют маги, их создавшие.

– Разве кто-то управляет мантикорами до сих пор?

– Теперь уже нет. Но когда я посетил Могильники, на вершине каждого кургана я нашел артефакт, позволяющий управлять мантикорами. И похоже, что этими артефактами регулярно пользуются.

– Ты выяснил, кто это делает?

– Нет, я не смог. Создатели этих артефактов надежно запутали все следы. Я поставил магическую ловушку, но не уверен, что она сработает. Прошел уже месяц, а никто из этих черных магов еще не появлялся в Могильниках.

В голосе Хардинга прорезался металл.

– Хэмфаст! Ты обязан разобраться, кто управляет мантикорами. Мантикоры – это чистое зло, которое не должно существовать в мире, и те, кто их пестует и направляет, должны быть наказаны так, чтобы больше никто и никогда не смел творить подобные вещи. Великий Гэндальф! Я думал, что вторжение мантикор произошло по случайному недомыслию кого-то из

магов, что это трагическая ошибка. Но раз это преднамеренное злотворение, ты должен расправиться с теми, кто это сделал. И расправиться жесточайшим образом, чтобы память об этой расправе сохранилась в веках.

Странно слышать от хоббита столь агрессивные слова. Но он прав. Такое зло действительно не должно оставаться безнаказанным. И пока я не разберусь с теми, кто его сотворил, мне не следует занимать себя другими вещами. Много в мире требует моего внимания, но мантикоры сейчас самое главное. Вот только как мне найти злокозненных малефиков, если в Пустошах так никто и не появится?

10

Они появились в Пустошах. Три человека: двое мужчин и женщина. Все молодые, не старше двадцати пяти лет. На вид аннурцы, хотя мне, хоббиту, трудно различать облик людских народов. Все прекрасно развиты физически, достаточно одного взгляда, чтобы понять, что они с малолетства не знали недостатка ни в пище, ни в воинских упражнениях, ни в магических тренировках. Девушка не уступает в магической силе Дромадрону, скилл юношей немного меньше. А сколько у них артефактов... В руках у девушки посох с янтарным навершием, будто один из тех шестов, которые я дематериализовал, только без руки на нижнем конце. За спиной девушки приторочен смертетворящий крест, юноши вооружены рогатыми посохами. Присмотревшись, я разглядел янтарных пауков, спрятанных под плащами путников. Спецназ Аннура? Вооружение соответствует, но они непохожи на солдат, скорее это бойцы могущественного ковена. Никогда не предполагал, что ковены могут быть настолько богатыми, чтобы раздавать столь редкое и дорогое оружие своим молодым бойцам.

Обычного оружия нет ни у кого, если не считать оружием три одинаковых кинжала на поясах. Но кинжал – это скорее инструмент, чем оружие. Странно, что они отправились в путешествие без мечей и луков. Если они встретят другой отряд, им придется принимать бой, ведь трое безоружных в безлюдной местности, среди них красивая девушка – настолько желанная добыча, что редкий купец позволит им пройти мимо. А если они покажут магическое оружие... рогатые посохи ценятся так высоко, что это только ускорит начало боя. Надо быть очень сильными магами, чтобы выходить в странствие только с магическим оружием. Либо они не собираются посещать в своем путешествии населенные места. Но откуда они попали в Пустоши? Не из Вечного Леса же?

Пожалуй, все-таки из Вечного Леса. Я засек их на западной границе Пустошей, вряд ли они успели пересечь Могильники за те три дня, что я не заглядывал в волшебное зеркало. Их заплечные мешки невелики, много провизии в них не унесешь, но полупустыми эти мешки не выглядят, похоже, что путешествие странной тройцы только-только началось. А если так, то выйти они могли только из Вечного Леса.

Красная книга говорит, что в Вечном Лесу живет Том Бомбадил, один из двух майаров, которые, по словам Учителя, дезертировали. Я не могу поверить, что Том Бомбадил имеет какое-то отношение к злой магии, сотворившей мантикор, а тогда... И все сразу стало на свои места.

Почему я сразу подумал, что эта тройца – те, кого я жду? Достаточно предположить, что они не имеют никакого отношения к злокозненным малефикам, и все объясняется легко и просто. Том Бомбадил заметил, что курганы лишились магических шестов, и отправил своих подданных разобраться, что случилось. Вот только откуда взялись у Бомбадила подданные? Ведь он никогда не искал власти над разумными существами, предпочитая оставаться повелителем зверей. И откуда у них рогатые посохи? С каких это пор хозяин Вечного Леса использует мертвую людскую магию, да еще ту, что предназначена, чтобы сеять смерть и разрушение?

Может, они случайно забрели в Вечный Лес и прижились там? Вряд ли. Нет, гадать дальше нет смысла, надо встретиться со странными путниками лицом к лицу.

Я переместился в Средиземье, приняв облик человека, чтобы не привлекать излишнего внимания.

11

Они заметили меня сразу, едва я оказался в их поле зрения. Пару минут они оживленно совещались, а затем двинулись в мою сторону, выставив перед собой боевые артефакты. Я спокойно стоял, скрестив руки на груди, ветер играл моим серым плащом, подбитым волчьим мехом, мелкая снежная крупка осыпала меня, покаявая лицо и руки, я смотрел на приближающихся людей, и мое лицо выражало доброжелательное спокойствие.

Странно чувствовать себя в теле человека. Когда смотришь на мир с высоты полутора хоббитчих ростов, все кажется каким-то не таким. А стоит пошевелиться, ощущение нереальности становится прямо-таки мучительным. Руки и ноги слишком длинные, тело слишком тяжелое, любое движение становится излишне порывистым. Мне пришлось удвоить в своей судьбе свойство ловкости, и лишь тогда я почувствовал себя нормально.

Похоже, главная в этой троице – девушка. По правилам ей следовало бы остановиться за сотню шагов, держа меня под прицелом креста, но, поскольку она – вождь отряда, она должна участвовать в переговорах. Я ощутил ее колебания, на какое-то время она замедлила шаг, но потом, нервно дернув плечами, ускорила движение и даже обогнала на полшага своих спутников.

Они остановились в десяти шагах от меня. Я дружелюбно улыбнулся и сказал:

– Я безоружен.

Они наконец поняли, как глупо выглядят, направляя свои смертоносные игрушки на безоружного человека, и убийственные жала опустились. Девушка спросила, стараясь, чтобы вопрос не прозвучал чрезмерно ехидно:

– Раз ты безоружен, почему ты еще жив? Я честно ответил:

– Я не нуждаюсь в оружии.

– Ты такой сильный маг?

– Да.

Девушка прощупала меня простейшим заклинанием познания, и я не стал ей препятствовать. Она ощутила мой скилл, и я прочел в ее глазах невольное уважение.

– Тем не менее, почтенный, я не советовала бы тебе гулять по Могильникам в одиночестве. Даже твоего скилла недостаточно, чтобы справиться с мантикорой.

– Ты ошибаешься, уважаемая. Я уже справлялся с мантикорой.

Они вздрогнули, все трое. Они переглянулись, и боевые посохи чуть-чуть приподнялись. Я усмехнулся. Девушка закусил губу, она поняла, что раз я могу сражаться с мантикорой голыми руками, то их могучее оружие – не более чем детские игрушки против меня.

Девушка направила на меня заклинание познания правды, и на этот раз я воспрепятствовал. Я подождал, пока она убедится, что заклятие сформировано и действует, а затем уничтожил его одним движением той нематериальной сущности, что порождает вихри маны.

– Не следует так грубо лезть в душу незнакомца, – сказал я, – я могу обидеться.

Девушка нервно дернула щекой, она вообще стала заметно нервничать.

– Почтенный, не знаю твоего имени, – она сделала паузу, но я промолчал, – позволено ли мне поинтересоваться, что ты делаешь в этом месте, столь неподходящем для одиноких прогулок?

– Позволено, – ответил я. – Я хочу поговорить с вами.

– Так говори.

– Прежде всего, я хочу узнать, что привело вас в это место, которое, как ты верно отметила, не слишком подходит для прогулок.

– Пусть причина, приведшая нас сюда, не волнует тебя, почтенный. Это наше и только наше дело.

– Тогда я попробую угадать. Вы направляетесь к ближайшему кургану.

Девушка промолчала.

– Вас интересует одна вещь, которую вы рассчитываете найти на его вершине.

– Что ты знаешь об этой вещи?

– Она больше не существует.

– Почему?

– Потому что я уничтожил ее.

– Уничтожил? – она явно не поверила. – Как же ты обошел сторожевое заклинание?

– В этом не было необходимости. Если правильно уничтожить вещь, все сторожевые заклинания уничтожаются вместе с ней.

– Прости, почтенный, но я не верю тебе. – Девушка приняла вид строгой учительницы. – Если бы все было так просто, сторожевые заклинания не имели бы смысла.

Я не стал объяснять собеседнице, что сторожевые заклинания нужны не только для того, чтобы предмет нельзя было уничтожить. Когда перед магом стоит задача познать или использовать предмет, сторожевые заклинания являются серьезным препятствием. Я просто сказал:

– Посмотри сама, – и сделал шаг в сторону, открывая путь к кургану. – Я буду рад проводить вас. И мы пошли к кургану.

12

Мои спутники так и не нашли место, где из земли торчал шест. Дождь и снег сделали узкую дырку в земле совершенно невидимой, а магическое зрение в этом случае бесполезно – с его помощью нельзя найти то, чего нет.

– Теперь вы мне верите? – спросил я.

Мои спутники не обратили на мой вопрос никакого внимания. Они стояли поодаль, оживленно переговариваясь вполголоса, и, прислушавшись, я уловил некоторые обрывки их разговора.

– ...его не выдернули, он просто исчез...

– ...охранное заклинание даже не активировалось...

– ...здесь нет никаких следов...

– ...капсула нестабильна...

Какая еще капсула? Я подошел поближе, но маги уже закончили разговор. Они встали в круг, образовав кольцо, и начали колдовать.

Я смотрел на работу трех магов, и вскоре мне стало скучно. В том, как маги творят могучее заклинание, чаще всего нет ничего зрелищного. Они просто стоят, положив руки на плечи друг другу, и смотрят вниз невидящим взглядом. По-настоящему интересные вещи происходят только в астральном мире, в мире потоков маны, но того, что происходит там, я не понимаю. Творимое заклинание не направлено на меня, а значит, глаз орла не поможет мне понять его суть. Стоп, стоп, есть же схолярность! Я поспешно поднял ее уровень до предельного. Маги ничего не заметили, будучи всецело поглощены творимой волшебной.

Заклинание не особо мощное, но весьма изощренное, так сразу и не разберешься. Цель – явно познание, направление – вниз, глубина... их интересует тот самый источник силы, который питал шест с янтарным навершием. А вот это уже очень интересно! Источник силы был закрыт отвлекающими заклинаниями, и сейчас покров чуть-чуть приоткрылся. Кажется, там есть что-то необычное... нематериальное, в этом нет никаких сомнений, но... живое?

Да, живое. И не только живое, но и мыслящее. Разве такое бывает? Моргот меня... Конечно, бывает! Я похолодел.

Умертвие. Несомненно, умертвие. Зло в чистом виде, пожалуй, даже более опасное, чем все мантикоры, вместе взятые. Мантикора – это просто очень эффективный хищник. До тех пор пока она не попала под власть заклинаний, она не творит зло ради зла, она убивает, только чтобы прокормиться. А вот умертвие... его аура настолько пропитана страстью к разрушению, что странно, как эта страсть не разрушила его самого. И, самое главное, умертвие имеет полноценный разум. Если оно вырвется на свободу, оно не будет бросаться на первого встречного, скорее, оно освободит своих товарищей – кстати, сколько их? Я воспроизвел в памяти карту Могильников. Около сотни. Сто умертвий... Нет, они не смогут серьезно пошатнуть мир, им не выдержать правильной войны даже против объединенного ополчения Хоббитании, не говоря уж об Аннуре или тем более Ганнаре. Но если они начнут партизанскую войну... приграничные районы, пожалуй, опустеют. Моргот их поубивай! Они смогут добраться и до земель клана Брендибэк. Нет, эти твари не должны вырваться из заточения. Хорошо, что магические пути достаточно прочны.

И в этот момент я заметил, что, хотя магические пути и прочны, их сила непрерывно убывает. Энергия умертвия, лишившись точки приложения, которой был шест, теперь скапливалась в капсуле, образованной потоками маны, и оттягивала на себя энергию сдерживающих заклинаний. Процесс протекает очень медленно, но пройдет еще месяц-другой, в течение которых сила капсулы будет ослабевать, а сила того, что внутри, – нарастать, и капсула взорвется. Снаружи ничего не будет видно, капсула расположена слишком глубоко под землей, взрывная волна не вырвется наружу, маг, будучи неподалеку, заметил бы мощный выброс хаотической маны, но в Пустошах нет магов, которые смогли бы это заметить. Короче говоря, умертвие выйдет на свободу. Два месяца, и умертвия заполонят Могильные Пустоши, сменив мантикор. Если я ничего не сделаю.

Я вызвал было элементал “Найти существо”, начал соединять нити, но вовремя сообразил, что этот элементал бессмысленно применять к умертвиям, ведь они не имеют материальных тел. Я поспешно отменил несформированное заклинание. Придется применить элементал “Открыть разумную душу”, а это небыстрое дело, если не знаешь рунного идентификатора открываемой души. Подобные заклинания не следует творить экспромтом. Ладно, умертвия пока подождут.

Тем временем маги завершили волшебство и разомкнули кольцо. Волшебница повернулась ко мне, и ее глаза метали молнии.

– Зачем ты это сделал? – спросила она, и ее тон не предвещал ничего хорошего.

– Я вывел мантикор из-под вашего контроля, – ответил я, надеясь, что нервное возбуждение не позволит моей собеседнице заметить ловушку, скрытую в моих словах. И она не заметила.

– Ты видишь, к чему это привело? – гневно спросила она. Она не отрицала, что мантикоры были под их контролем. Замечательно, теперь я твердо знаю, кто виноват в чудовищном преступлении, которое я расследую.

– Ничего страшного не произошло, – сказал я, – умертвия выберутся на свободу не раньше, чем растает снег, а этого времени вполне хватит, чтобы разобраться с ними раз и навсегда. Меня больше интересует другое. Как вышло, что мантикоры оказались под вашим контролем?

Девушка наконец поняла, что проболталась. Она сказала:

– Я не имею полномочий рассказывать об этом. И это сейчас не важно. Ты говоришь, что легко расправишься с умертвиями, но разве это под силу одному человеку? Когда умертвий заковывали под землей, одновременно работали восемнадцать магов, и вся операция заняла почти год. Допускаю, что ты очень силен, но все равно ты один не справишься быстрее. Мы, –

она оглядела своих молчаливых спутников, – обычные маги, наша сила даже ниже среднего, эти игрушки, – она показала на смертветворящий крест, – не помогут, помощь не успеет подойти. Нет, с упоением умертвий нет смысла даже связываться. – Теперь она обращалась к молодым людям. – Мы должны немедленно доложить наставнику, а затем уходить в населенные земли готовиться к войне. – Она повернулась ко мне и сказала: – Отойди. Я не хочу, чтобы ты слышал, как я разговариваю с наставником.

Я начал злиться:

– Я выслушал тебя, теперь ты выслушай меня. Повторяю еще раз: умертвия не опасны. Я успею уничтожить их до того, как они смогут покинуть капсулы. Что действительно опасно – это ты и твои наставники. Расскажи мне, кто и как устроил вторжение манतिकор, кто управлял ими все это время, и тогда мое мщение не затронет ни тебя, ни твоих спутников.

– А если я не скажу?

– Я все равно это узнаю. Потребуется больше времени, и это время будет для тебя не самым приятным.

– Ты угрожаешь пытками?

– Надеюсь, до этого не дойдет.

– Конечно, не дойдет. Потому что никто не смеет угрожать Утренней Звезде.

Она горделиво выпрямилась и уставилась мне в глаза выжидающим взглядом. Видимо, думает, что ее слова должны произвести впечатление. Я пожал плечами и безразлично проговорил:

– Сейчас день, небо затянуто облаками. При чем здесь утренняя звезда?

Девуцу аж перекосило от возмущения.

– Ты смеешь утверждать, что ничего не знаешь о ковене Утренней Звезды, которого боится сам магический советник Великого Короля Аннура?

– Я не магический советник. И я не имею никакого отношения к Великому Королю. Почему я должен бояться каких-то там уголовников, пусть даже и обладающих неплохим скиллом?

Волшебница подавилась словами, которые готовы были сорваться с ее языка. Она злобно прошипела:

– Ты ответишь. – И крест в ее руке подпрыгнул, как живой. Глупо. Смертветворящий крест – оружие снайпера, практически бесполезное в ближнем бою. Ей следовало отбросить крест в сторону, отпрыгнуть назад и выхватить янтарного паука. Или пустить в ход кинжал. Или дать сигнал товарищам, чтобы они испепелили меня огнем двух рогатых посохов. Будь я в теле хоббита, мне не составило бы труда пробить ей горло ударом ноги в высоком прыжке, метнуть нож в одного из ее товарищей, прикрыться от другого умирающим телом предводительницы... а потом этот другой обстрелял бы меня рукотворными молниями, и только защитные заклинания высшей магии могли бы сохранить мою жизнь. Нет, сил для честного боя недостаточно, да и не нужно принимать бой, если тот же результат можно получить и без него. А если еще учесть, что я в непривычном теле человека...

Я сотворил заклинание, которое переместило меня на сто футов вверх. Я не взлетел, а просто исчез и появился снова. Тяготение немедленно повлекло меня вниз, но я справился с ним тем же заклинанием, которым во время прошлого визита в Пустоши остановил манतिकору. Я завис в воздухе, мелко подергиваясь вверх-вниз. Теперь заклятие невидимости. Вряд ли они догадаются посмотреть наверх, но береженого Гэндальф бережет. Все, я невидим.

Мои несостоявшиеся противники глупо озирались по сторонам. Снег, покрывающий землю, уродовали две проплешины, от которых ощутимо тянуло запахом грозы. Рогатые посохи успели выбросить молнии до того, как их владельцы поняли, что меня больше нет там, куда они стреляют. В общем, схватка закончилась, не успев начаться.

Я открыл душу воительницы и начал захват мыслеобраза.

13

Мне не следовало торопиться. Более правильным было бы понаблюдать, что будут делать мои несостоявшиеся противники. Я понял это, когда захват мыслеобраза был завершен, и я смог отвлечься от заклинаний и вновь обратить внимание на окружающий мир.

Девушка как раз выдергивала из земли янтарный посох. Я понял, что знаю ее имя, ее зовут Мезония. Мыслеобраз содержит только два низших слоя души, и потому в нем нет места словам и мыслям, но имя разумного существа там присутствует. В этом нет ничего удивительного – душа, например, свиньи не содержит высшего слоя и потому захватывается мыслеобразом полностью, но свинья знает свое имя и откликается на него, значит, имя свиньи может быть извлечено из мыслеобраза.

Так вот, Мезония выдернула посох из земли и теперь занималась инструктажем спутников.

– Никанор велел нам идти к северному пределу. По дороге мы должны осмотреть еще два кургана, наставник хочет быть уверенным, что повсюду в Пустошах творится то же самое. К тому времени когда мы покинем Пустоши, председатель примет решение. Скорее всего, он велит нам поднять ополчение Южного Аннура.

– Но, Мезония, нам для этого придется раскрыться, – возразил ей тот юноша, который был пониже ростом.

– Разве ты не понимаешь, Оккам, насколько это серьезно? Сто умертвий способны опустошить весь южный предел Аннура.

Оккам состроил скептическую гримасу:

– Сто умертвий... Если грамотно начать кампанию, к лету от них не останется и половины. Против десятка обученных бойцов у умертвия нет никаких шансов.

– У одного умертвия.

– Разве умертвия умеют держать строй? Когда они сражались за Олмера, они всегда действовали поодиночке, даже при осаде Серой Гавани.

– В битве при Серой Гавани они так и не вступили в бой, они прикрывали фланги войска Олмера от магических атак эльфов, но эльфы решили не размениваться на беспокоящие удары, они собрали силы воедино и атаковали предводителя осаждающих. Ты невнимательно читал Оранжевую книгу, Оккам.

– Может быть, – Оккам пожал плечами, – но все равно умертвия не годятся для боя. Кем они были у Олмера? Курьеры, разведчики, охранники, диверсанты, да и то насчет последнего нет достоверных данных.

– Неужели ты не понимаешь, что может натворить в южном пределе сотня диверсантов, обладающих магией? – отчаянно спросила Мезония.

– Умертвия – не диверсанты, – возразил Оккам. – Они не прошли соответствующего обучения, а сотня необученных диверсантов не сможет причинить большого вреда.

– Ты уверен, что Олмер не обучал их?

– Думаю, что не обучал. Олмер был вечно занят поисками небесного огня, важнейшей задачей для него было собрать все темные кольца до того, как вмешаются майары, чисто военные задачи решали его приближенные, которых было немного, и у них были более важные задачи, чем дрессировка умертвий. К тому же умертвия потом жили в Могильниках почти три тысячи лет, не тревожа наши владения.

– Тогда у них не было причин ненавидеть нас. Мы не вмешивались в их дела, они – в наши. Но после того как Плезенс заточил их...

– Все равно. Почему ты думаешь, что они пойдут именно в Аннур?

– Все знают, что аннурские маги – сильнейшие в Средиземье.

– Кто все? Только маги, да и то не все. Девять из десяти ганнарцев свято верят в то, что Ганнар первый в мире во всех делах, включая магию. И откуда умертвиям знать, что произошло в мире за время их заточения?

– Но мы не можем просто игнорировать эту угрозу! Куда бы ни направились умертвия, движение по южному тракту будет парализовано. Ты представляешь, какие убытки мы понесем? А если будут жертвы среди мирного населения... будет такой скандал...

– Ну и что? Кому известно, что заточение умертвий и вторжение мантикор – дело рук Утренней Звезды? Когда начнется вторжение, королевский совет даже не поймет, что в этом кто-то виноват.

– Ты так легко говоришь – вторжение!

– Я неудачно выразился – это не стоит называть вторжением. Ну, побеспокоят они пограничные деревни, ну, перебьют тысячу-другую смердов. В конце концов, королевское войско уже целое столетие мается без дела. Им не повредит провести небольшую военную операцию. К тому же... может быть, наши маги смогут отвести удар умертвий. Направить их на Ганнар или на Хоббитанию. А что? Хоббиты перебьют их, как щенков.

– Потеряв при этом половину своих бойцов.

– Какое нам дело до хоббичьих жизней?

Мезония задумалась:

– Это хорошая идея. В следующем сеансе я расскажу это Никанору. Кстати, мы уже десять минут стоим на месте. Пошли, разговаривать можно и на ходу.

Они двинулись на северо-восток: Мезония, Оккам и еще один маг, который до сих пор не произнес ни слова и чье имя осталось для меня загадкой. Я не стал преследовать их. Я узнал достаточно из подслушанного разговора. Я переместился к юго-западному подножию кургана и начал разбирать мыслеобраз Мезонии.

14

Когда идешь через густой лес и выходишь к поселению, это всегда происходит внезапно. Только что ничто не предвещало близость жилья, и вот, преодолев очередной овраг и вскарабкавшись по крутому склону, ты упираешься в частокол. Я прикинул, где могут находиться ворота, и пошел направо.

Мыслеобраз Мезонии открыл мне много интересного. Те ее воспоминания, что облечены в слова, остались для меня тайной, но одни только зрительные образы хранят в себе огромную массу информации.

Мезония родилась и выросла в Аннуине. Ее родители, судя по всему, были боевыми магами Утренней Звезды, и с раннего детства ее готовили к той же участи. Ее боевое мастерство оказалось выше всяких похвал, и я немедленно ввел ее боевые навыки в свою душу. Пожалуй, попытайся я принять бой, мне пришлось бы наращивать здоровье заклинанием в первые же секунды. Хорошо, что я уклонился от схватки.

Смотрим дальше. Магические тренировки. Экзамены. Жалко, что через мыслеобраз нельзя выкачивать чужие заклинания, я бы не отказался от такого подарка. Ну ничего, это подождет.

Выпускной экзамен. Инструктаж перед первым заданием. Этого мага я видел, он был среди тех, что осматривали меня в Аннуине. Это что получается, Утренняя Звезда связана с университетом? Недостаточно данных, оставим для дальнейшего осмысления.

Морготовы люди! Не понимаю, как они могут совокупляться с теми, кого ненавидят. Это явно какая-то операция ковена, ага, вот она спешно просматривает какие-то свитки. Значит, этому пожилому мужчине подсунули в постель смазливую малолетку, а она копается в его записях. Тьфу на вас, люди!

Хватит, не хочу больше ковыряться в этой гадости. Посмотрим последние воспоминания. Густой лес, так похожий на родные мне леса Хоббитании, но другой. Почти нет берез, совсем нет елей и сосен, доминируют дубы и клены. Ганнар? Может быть. Смотрим дальше. В глубине леса деревенька из четырех домов, окруженных частоколом, над одним из домов возвышается янтарный шест. Свиноферма, прямо как у нас. Маленькое пшеничное поле на поляне подозрительно правильной прямоугольной формы. Они что, выжигали лес? Нет, непохоже, видимо, поработало заклинание. Седобородый старик, наверное это и есть Никанор. Оккам и тот парень, имени которого я так и не узнал. Еще двое людей постарше: мужчина и женщина, вероятно супруги. Больше никого за последнюю неделю Мезония не видела.

Путешествие. Участвуют трое: Мезония, Оккам и этот самый парень с неизвестным именем. Идут на восток. А это что, неужели курган? Они пришли в Пустоши с запада, значит, их поход начался в Вечном Лесу?! А какой назгул сожрал тогда Тома Бомбадила?! Я просмотрел память Мезонии еще раз, более внимательно. Нет никаких сомнений – это на самом деле Вечный Лес. Но почему Бомбадил позволил им поселиться на запретной земле? Еще одна загадка.

Следующие шесть часов ушли на то, чтобы проследить путь Мезонии и ее спутников от конца к началу. Нелегкое это дело – вытаскивать из мыслеобраза однообразные дорожные пейзажи, сортировать их в хронологическом порядке и привязывать к местности. И когда я добрался до тайного поселения в Вечном Лесу, уже смеркалось.

Ворота оказались там, где я и ожидал. Я взял в руки массивный деревянный молоток и громко, но вежливо постучался. Минуты три-четыре ничего не происходило, и я постучался еще раз. И в этот момент глаз орла предупредил меня об опасности.

Кто-то прощупывал меня заклинаниями, пытаюсь понять, кто я такой, что из себя представляю. Я позволил неизвестному магу оценить мой скилл, затем решительно пресек дальнейшие попытки проникнуть в мою душу. И они прекратились. Через минуту я постучался еще раз. А потом глаз орла сработал снова.

Оказалось, что невидимый маг вовсе не собирается сдаваться. Он не стал пробивать мой магический щит, вместо этого он определил резонансную частоту образующих его потоков и промодулировал этой частотой свое заклинание. Оригинальная атака.

Я внес в магический щит хаотические колебания. Его упругость уменьшилась раза в четыре, теперь его можно пробить сильным ударом, но скрытно просочить сквозь него познание заклинание уже нельзя. Я громко сказал:

– Еще одно заклинание, и я атакую.

И ворота раскрылись.

На пороге стоял седобородый старик, знакомый мне по воспоминаниям Мезонии. Я обратился к нему:

– Приветствую тебя, почтенный Никанор.

Он ничем не показал своего удивления. А ведь должен был удивиться, что я знаю, как его зовут.

– Приветствую и тебя, почтенный, не знаю твоего имени, – отозвался Никанор.

По правилам этикета я должен назвать свое имя, но вместо этого я лишь кивнул.

– Скажи мне, почтенный Никанор, здесь ли находится гнездилище мантикор? – спросил я.

Вот теперь Никанор не смог скрыть удивления, ему понадобилось около десяти секунд, чтобы собраться с мыслями. Потом он спросил меня:

– Почему ты думаешь, почтенный, что имеешь право задавать этот вопрос?

– Потому что, если я не получу ответа, от этого поселения не останется и головешек.

– Это угроза? Я усмехнулся:

– Можешь считать это пророчеством.

Никанор поколебался и начал говорить, с трудом подбирая слова:

– Ты сильный маг, твой скилл очень велик. Ты недостаточно опытен, твои заклинания чуть-чуть запаздывают, но все равно ты очень силен. Возможно, ты сумеешь одолеть нас. Но я не могу раскрывать тайны наставников, не будучи уверенным, что нет другого выхода. – Он помолчал и, собравшись с силами, выговорил: – Я предлагаю единоборство.

– Магический поединок?

– Да.

– Правила?

– Стандартные. Не наносить невосполнимого ущерба противнику, а также окружающим существам и предметам. Тебя устраивает?

– Вполне.

Никанор выпрямился, вытянул руки по швам и медленно поклонился. Я повторил его действия. Интересно, что подумал бы почтенный Никанор, знай он, что я совершаю ритуальный поклон впервые в жизни?

Наши тела распрямились, и Никанор нанес первый удар. Он рывком выставил перед собой левую руку в кожаной перчатке, от которой ощутимо тянуло боевой магией, растопырил указательный палец и мизинец, и с руки сорвалась фиолетовая молния, похожая на прозрачный контур вытянутой завитой ракушки, только нарисован этот контур был не на пергаменте, а в воздухе, и не гусиным пером, а молниевыми росчерками. Я не успел закрыться, и молния ударила мне в грудь, сбив меня с ног. Мое тело свернулось в судорожно дергающийся клубок, дыхание перехватило, и остатками гаснущего сознания я ощутил, что мое сердце перестало биться.

Будь этот удар нанесен в голову, он стал бы смертельным. Но удар был направлен в грудь, и защитное заклинание успело сработать до того, как сознание окончательно погасло. Мое здоровье возросло до пределов, невысказанных не только для хоббита или человека, но и для мантикоры. Сердце снова забило, кровь прилила к мышцам. Я поднял голову.

Никанор медленно шел ко мне. Похоже, он полагал, что схватка уже завершилась, и, когда он увидел, что я шевелюсь, он промедлил пару мгновений, видимо не веря своим глазам. Я привел в действие высшую магию.

Первым элементом я открыл доступ к низшим слоям души моего противника, который тем временем метнул вторую фиолетовую молнию, она ударила меня прямо между глаз. Я не стал уклоняться – теперь я неуязвим для подобных атак. Когда молния вошла в мою голову, все тело вздрогнуло, сознание замерцало, но не прошло и десятой доли секунды, как все функции тела и души полностью восстановились, как будто и не было этого магического удара.

Второй элемент. Теперь мне открыт доступ в высший слой души Никанора. С его руки срывается темно-голубая жидкая капля, устремляется ко мне, разворачиваясь на ходу в горизонтальное кольцо, оно оплетается вокруг моей талии, и все тело пронизывает невыносимая боль. Защитное заклинание дробит ее на короткие импульсы, но я не могу сосредоточиться, чтобы нанести решающий удар. Я повторяю маневр, принесший успех в прошлой схватке, и перемещаюсь на сто футов вверх.

Заклинание неподвижности. Заклинание невидимости. Взгляд вниз. Кольцо висит в воздухе там, где только что был я. Никанор опускает руки и тяжело вздыхает, переводя дыхание. Я наношу последний удар.

Это, собственно, не удар. Просто я обнуляю скилл Никанора. Был Никанор крутым колдуном, а теперь ему неподвластно ни одно заклинание, даже самое простейшее. Я вижу, что синее кольцо растаяло в воздухе, истощив энергию, и перемещаюсь вниз, на то место, где стоял в начале боя.

Никанор взмахивает рукой, и ничего не происходит. Он застывает в неподвижности. Я приближаюсь, готовясь к прыжку. Теперь нет нужды в магии, мой противник не выглядит физически сильным, я легко одержу над ним верх в рукопашном бою. И я наношу удар.

Прыжок, колени подтянуты к груди, руки отведены к бедрам. Из этой позиции можно нанести восемь различных ударов в зависимости от того, какую тактику защиты выберет противник. Никанор выбирает единственно правильную тактику. Он падает на спину, в позу защищающейся кошки, и я пролетаю над ним, не имея возможности нанести удар. В полете я разворачиваюсь, и, когда мои ноги касаются земли, мое лицо обращено к Никанору. Он должен был вскочить на ноги, чтобы продолжить бой, но он не сделал этого. Изогнув тело немыслимым образом, он бьет меня ногой в колено, и колено взрывается болью. Я успеваю отскочить, заклинание снимает боль, и я снова готов к бою. Однако! Похоже, передо мной настоящий мастер.

Я быстро просматриваю то, что сообщает мне глаз орла. Перчатка на руке Никанора – не боевой артефакт, это просто усилитель магии, я могу выполнить те же атакующие заклинания и без нее. Я поднимаю левую руку, повторяя жест моего противника, и фиолетовая молния бьет его в живот. Никанор пытается увернуться, но неудачно. Он падает на землю и некоторое время лежит без движения. Потом он несколько раз судорожно вдыхает воздух и говорит непослушными губами:

– Признаю себя побежденным, мой юный хоббит.

– Что? – Мне кажется, что я ослышался.

– Признаю себя побежденным, мой юный хоббит, – Повторяет Никанор, поднимаясь на ноги.

– С чего ты решил, что я – хоббит?

– Ты признаешь себя победителем?

– Конечно. Почему ты считаешь меня хоббитом?

Никанор усмехнулся:

– Придется долго объяснять. Ну ладно. Первое. Твое поведение не соответствует облику. На вид тебе можно дать лет тридцать пять, по поведению – не более двадцати. Слишком порывистые движения, некоторая общая неуверенность, почти неуловимая, но все же заметная искусственному взгляду. Привычка смотреть в глаза собеседника как бы снизу вверх. Подчеркнутая наглость в разговоре с Мезонией и подчеркнутая вежливость в разговоре со мной. Непродуманные поступки. Несоответствие огромной магической силы и весьма скромного мастерства. Ты очень неловок в боевой магии, а с маскировкой явно переборщил, ведь, будь наш поединок смертельным, ты был бы уже мертв.

– Достаточно, – я перебил Никанора, – я действительно выгляжу старше, чем есть на самом деле. Что дальше?

– Дальше вот что. Из первого непосредственно вытекает второе: твой облик – маска.

– Это очевидное следствие, – согласился я. – Но я все еще не понимаю, почему ты считаешь меня хоббитом.

– Не перебивай. Третье. Ты читал Красную книгу?

– Конечно.

– Это был иллюстрированный экземпляр?

– Конечно же нет! Кому интересно смотреть на картинки, изображающие разумных, которых никто не видел уже три тысячи лет? Глупо думать, что эти картинки имеют портретное сходство с оригиналами.

– Несомненно. Но эти картинки имеют портретное сходство между собой. Существуют определенные каноны изображения каждого из основных персонажей Красной книги. Гэндальф – тонколицый и остроносый худощавый старик с глубоко посаженными глазами, Фродо на иллюстрациях больше похож на человека-подростка, чем на хоббита, Бильбо почему-то изображают хоббитом лет шестидесяти, хотя в описываемое время он был куда более глубоким стариком. А знаешь, как принято изображать Саурона?

– Откуда? Я же ясно сказал – я не видел иллюстраций к Красной книге.

Никанор будто не заметил упрека. Он продолжал:

– Саурана принято изображать следующим образом. Рост чуть выше среднего, телосложение атлетическое, но без чрезмерно развитых мускулов, волосы черные, прямые, длиной до воротника, нос прямой, средних размеров, глаза серые, лицо умное и гордое, одежда простая, предпочитает черные и серые тона, любит необычные аксессуары вроде серебряной заколки в виде розы или подкладки плаща из волчьего меха. Мне продолжать?

– Не нужно. Значит, я похож на Саурана?

– Не как две капли воды, Саурон повыше, поуже в плечах... но сходство несомненно.

Никанор подождал, пока я проникнусь этой мыслью, и продолжил:

– Зачем юному магу надевать тело Саурана? Напрашиваются два ответа. Либо маг решил показывать каждому встречному, что он твердо занимает сторону тьмы... глупое решение, если учесть, что мантикоры этого не поймут. – Никанор усмехнулся. – Умертвия заточены, а мои подопечные никак не похожи на темных магов. Остается второй вариант, – Никанор сделал долгую паузу, – рекомый маг не является человеком, все люди для него на одно лицо, и он не понял, что его новый облик сходен с обликом Саурана. Я прав?

Я машинально кивнул и тут же сообразил, что этого не стоило делать. Интересно получается – с одной стороны, Никанор отвечает на мой вопрос, который я задал по праву победителя, а с другой стороны, он фактически допрашивает меня непонятно по какому праву, а я непонятно почему честно отвечаю на его вопросы. Я проверил глаз орла, но он не обнаружил никаких заклинаний, направленных против меня.

– Что это за магия? – спросил я.

– Это не магия, – ответил Никанор, – это психология. Ты отвечаешь на мои вопросы не потому, что я принуждаю тебя, а потому, что я задаю их так, что тебе хочется на них ответить. Это особое искусство, не имеющее к магии никакого отношения.

– Будь осторожен, – сказал я, – ведь я могу обидеться на то, что ты применяешь ко мне это искусство.

– Не беспокойся, – сказал Никанор, – любой мастер психологии умеет чувствовать настроение собеседника. Если ты соберешься напасть на меня, я пойму это раньше тебя. Так вот. Четвертое. Ты не человек. Значит, ты или орк, или гном, или хоббит. Телосложение орка сходно с человеческим, будь ты орком, ты страдал бы не от непривычности тела, а от отсутствия клыков, ты постоянно ковырялся бы в зубах и вообще твое поведение было бы совсем другим. Остается два варианта: гном или хоббит. Твой удар в прыжке не оставляет выбора – так дерутся только хоббиты, гномы в рукопашном бою практически никогда не отрываются от земли. Я ответил на твой вопрос?

– М-да... Скажи, Никанор, то, что ты заметил... это очевидно для любого человека?

– Нет. Обычный человек ощутил бы только некоторую несообразность в твоём облике и поведении. Думаю, только один человек из ста может связать все воедино.

Я кивнул, стараясь собраться с мыслями. Эко я лопухнулся! Надо подправить облик, незачем изображать из себя ожившую иллюстрацию Саурана. Я спешно внес в свою маску необходимые изменения, я стал ниже и шире в плечах, волосы потеряли угольную черноту и приобрели грязно-коричневый оттенок, лицо стало шире, глаза меньше, нос короче. Я спросил Никанора:

– Так лучше?

– Лучше. Но твой облик все равно привлекает внимание. Ты сложен слишком соразмерно для человека. Нужно внести какую-то неправильность, маленькое, но заметное отклонение от нормы. Такие красивые люди, каким ты представляешься, встречаются очень редко.

Я изменил форму носа, сделав его немного вздернутым и чуть перекошенным на левую сторону. Заодно я соорудил на лбу крупную родинку.

Никанор удовлетворенно кивнул:

– Теперь нормально.

Я облегченно вздохнул. С обликом разобрались. Что у нас следующее? Моргот меня раздери, я почти забыл о том, зачем сюда пришел!

– Так все-таки, почтенный Никанор, – спросил я, – здесь ли находится гнездилище мантикор?

Никанор досадливо поморщился:

– Это не гнездилище, это переносной алтарь. Он здесь.

– Проведи меня к нему.

– Ты хочешь его уничтожить?

– Естественно.

– Зачем?

– Разве тебе непонятно? Я хочу избавить Средиземье от самого большого зла, которое появлялось за последнюю тысячу лет.

– Самого большого? Ну-ну. Ты знаешь, как произошло вторжение мантикор?

– Конечно, это знает каждый получивший полноценное образование. В две тысячи девятьсот двадцать пятом году в графстве Хтон возник династический кризис, на графский титул претендовали два дальних родственника скоропостижно скончавшегося графа, имевшие примерно равные права на наследство. Одного претендента поддержал Ганнар, другого – Аннур. Начался дипломатический конфликт. Обе державы послали в Хтон своих шпионов, которые занимались не только вербовкой сторонников, но и саботажем, диверсиями и прочими противозаконными действиями. В две тысячи девятьсот двадцать седьмом году ганнарский шпион убил барона Ренка, был застигнут на месте преступления и под пытками во всем признался. Великий Король Аннура Тубан Усатый ввел в Хтон ограниченный армейский контингент. Император Ганнара Хур Схимник подтянул к границам графства тридцатитысячную армию. Всю зиму продолжались пограничные стычки, а весной началась война. Вначале обе стороны удовлетворялись локальными операциями, но уже к концу лета потери воюющих держав многократно превысили возможные преимущества от присоединения Хтона. Однако никто не хотел уступать: уступить означало признать поражение, а это привело бы к потере влияния в Мордоре, Мории и Дейле. Мордорские орки прислали в помощь Хуру полный хирд панцирной пехоты, морийские гномы привели такой же хирд Тубану. Обстановка непрерывно накалялась, и одиннадцатого октября началась решающая битва. Тубан сумел скрытно доставить в Хтон тяжелые артефакты и грамотно их применить. Отвлекающий удар в центре, а затем, когда противник уже не сомневался, где развернется сражение, пятьсот тяжелых излучателей буквально выжгли пятимильный участок на левом фланге ганнарской обороны, ангмарская конница рванулась в прорыв, наступая по расходящимся направлениям, разрушая тыловые коммуникации и грозя отрезать армию от населенных районов Рохана. Гномы, поддерживаемые аннурскими рыцарями, вошли в прорыв вслед за ангмарцами и начали расширять брешь в обороне. Пять тысяч ганнарцев оказались прижаты к Могильникам, и уже четырнадцатого октября кольцо окружения грозило замкнуться к исходу дня. Хур бросил в бой зеленых драконов, но аннурские излучатели были уже рассредоточены, а других достойных целей у драконов не было, атаковать с воздуха пехоту и конницу глупо – драконы погибнут быстрее, чем сумеют причинить врагу заметный ущерб. В общем, поражение Ганнара было неминуемо, и в этот момент неизвестно откуда появились мантикоры.

– Позволь, я тебя немного поправлю, – мягко произнес Никанор, дождавшись, когда я на мгновение замолк, переводя дыхание. – Войсками Ганнара командовал не император. Хура не зря называли Схимником, он совсем не занимался войсками, предпочитая ратному делу магию, в которой достиг небывалых для императора высот. В хтонской битве ганнарцами командовал маршал Нелли.

– Какая разница, кто ими командовал?

– Подожди, не перебивай. Когда маршал Нелли покидал Минатор во главе войска, кстати десяти тысячного, а не тридцати тысячного, в момент решающей схватки под флагом Ганнара стояло около пятидесяти тысяч бойцов, но большинство из них подошли потом, так вот, когда Нелли покидал Минатор, император вручил ему сундук и пакет. Сундук был закрыт на семь замков гномьей работы и опутан четырнадцатью заклинаниями, пакет же был запечатан только императорской печатью. Хур разрешил Нелли открыть пакет только в одном случае – если поражение станет неизбежным. За час до полудня четырнадцатого октября две тысячи девятьсот двадцать седьмого года маршал Нелли открыл пакет.

Я затаил дыхание. Никанор тем временем продолжал:

– В пакете был обычный лист пергамента, на котором обычными рунами было написано... там была опись того, что хранилось в сундуке, и ключи к запирающим заклинаниям. А в сундуке хранились незрелые яйца феникса.

– Незрелые?

– Да, незрелые яйца зажигательного действия. Радиус поражения от одной до пяти тысяч футов.

– И Нелли их применил?

– Он хотел их применить. По счастью, в свите маршала был агент Утренней Звезды, который ценой своей жизни подал сигнал тревоги, и наш тогдашний председатель Плезенс Заточитель выпустил мантикор. Ни одно яйцо не успело взорваться.

– Но куда делись эти яйца? Почему никто не узнал о том, что могло произойти?

– Одиннадцать яиц нашли в Могильниках, ганнарские драконы успели их сбросить на пути предполагаемого наступления третьей когорты морийского хирда. Еще девять яиц безвозвратно потеряно. Остальные яйца вернулись в Минатор. Нелли погиб в этом бою, но сундук уцелел.

Никанор помолчал.

– Ты все еще хочешь уничтожить алтарь, юный хоббит?

– А что изменилось от твоего рассказа? Допустим, мантикоры были сотворены не в результате чудовищной ошибки, а сознательно, с благой целью... Кстати! Мне показалось, что Утренняя Звезда базируется в Аннуине. Я неправ?

– Ты прав.

– Но вы выпустили мантикор и тем самым не дали Тубану победить.

Лицо Никанора перекошилось от гнева.

– Как ты не понимаешь?! Мы не дали двум безответственным правителям ввергнуть в пучину бедствий все Средиземье! В то время у Ганнара было сто черных драконов, у Аннура – сорок, у Дейла – два, экспериментальные образцы. На каждого дракона полтора боекомплекта. А знаешь, что входит в стандартный боекомплект черного дракона? Десять яиц зажигательного действия, зрелых яиц, заметь, радиус поражения тридцать миль, шесть полиморфных яиц, галлон чахоточного семени, ну и всякая мелочевка вроде небесного огня. Что осталось бы от твоей Хоббитании, пойдешь в ход вся эта мерзость?

– Вряд ли Тубан поднял бы в воздух черных драконов.

– Наивный хоббит! А что ему оставалось бы? Когда в ход идет оружие массового поражения, нельзя оставить сколько-то драконов про запас. Знаешь, что является первейшей целью драконов в тотальной войне?

– Скопления войск, командные пункты...

– Темный палантур тебе в задницу! Первейшая цель – феникс. Хорошо, если яйцо его убьет, а если нет? Вторая цель – места базирования драконов противника. Третья – крупные города, но это уже не важно.

– Как это не важно? Десять драконов с таким грузом способны истребить половину населения Аннура!

– Это не важно по сравнению со вторым. Если дракон остался на земле в первый час тотальной войны, ему уже не взлететь, потому что драконы противника накроют его на земле. А если дракон начнет барражировать в воздухе, он бесполезно растратит ману и не сможет нанести удар, когда это потребуется. Нет, хоббит, когда взрывается первое яйцо, пусть даже и незрелое, ничего уже нельзя вернуть назад. Стоит взорвать одно яйцо, и приходится взрывать все.

– Разве Нелли этого не понимал?

– Понимал. Но он был ослеплен яростью от неизбежного поражения. Знаешь, что такое боевое безумие?

– Слышал. У нас, хоббитов, такого не бывает.

Я понял, что впервые открыто признал, что я хоббит, но мне на это наплевать. В конце концов, Никанор уже обо всем догадался.

– Хорошо вам, – сказал Никанор, – а у людей такое бывает. К сожалению.

Он замолчал.

– Ну ладно, допустим, освобождение мантикор было правильным делом, – сказал я. – А почему, кстати, Нелли не применил яйца феникса против мантикор?

– Мантикоры в считанные минуты перемешались с его войсками. Применив яйца, он потерял бы армию. Нелли обезумел, но не до такой степени.

– Хорошо. Я признаю, выпустив мантикор, вы поступили хорошо. Но почему вы не истребили их, когда война закончилась? Зачем вы разместили их в Могильниках, зачем организовали сотовую связь, зачем заточили умертвий, в конце концов?

– Вначале я отвечу на первый вопрос. Мы не уничтожили мантикор, потому что не хотели, чтобы Ганнар и Аннур имели общую границу. Нет общей границы – нет поводов для войны. После хтонской битвы Могильники опустели, через них может пройти караван, но большой армии придется сражаться с мантикорами.

– Почему армия не может пройти там, где может пройти караван?

– Мантикоры не трогают путников, если те не подходят к ним слишком, близко, поэтому караваны чаще всего минуют Пустоши без боя. А когда в Пустоши входит отряд бойцов, мы приказываем мантикорам атаковать. Воины, вступившие в Пустоши в составе диверсионного отряда, никогда не возвращаются обратно.

– Разве Ганнар посылает диверсантов в Аннур?

– Теперь уже нет. – Никанор усмехнулся.

– Так. Допустим, вы защищаете Аннур и Ганнар друг от друга посредством мантикор. Но зачем вы выпускаете мантикор за пределы Могильников?

– Чтобы разумные не забывали о мантикорах. Мы выпускаем только тех мантикор, которые скоро умрут от старости, и никогда не выпускаем больше одной мантикоры за один раз. Редко какая из них убивает больше десятка разумных, а поскольку мы выпускаем четыре мантикоры в год... да в одном только Аннуине от рук разбойников гибнет больше людей!

– Моего отца убила мантикора, – сказал я.

– Мои соболезнования. – Лицо Никанора оставалось бесстрастным, когда он произносил эти слова. – Поэтому ты хочешь уничтожить всех мантикор?

– Поэтому тоже.

– Могу я узнать другие причины?

– Я обещал сделать это.

– Хоббиту?

– Хоббиту.

– Жаль. Тогда выходит, что я не могу тебе помешать.

Выходит так, – согласился я, – проведи меня к алтарю.

Никанор глубоко вздохнул:

– Ну что с тобой делать... пошли.
И мы пошли.

15

Пока мы разговаривали, дрались и снова разговаривали, совсем стемнело. Углы внутреннего двора тонули во мраке. Что-то в окружающих предметах меня беспокоило, но я никак не мог понять, что именно. Еще я вспомнил, что забыл спросить Никанора про умертвий. Ничего, это успеется.

Мы подошли к центральному зданию деревни, больше похожее на барак или дровяной склад, чем на жилой дом. Ничто не предвещало беды, но, когда Никанор открыл дверь, меня спасло только то, что я не успел восстановить маскировку, уменьшив здоровье до обычного для человека уровня. Первая мантикора ударила Никанора в грудь, он упал на спину, сбив с ног и меня, и я услышал, как его горло рвется под зубами манतिकоры с чмокающим звуком и как клокочет захлебывающееся дыхание старика, смешиваясь с довольным клекотом манतिकоры. Я не успел вскочить на ноги, как из дверного проема вылетела вторая мантикора. Нужно было уходить вверх, спасая жизнь отработанным приемом, но я почему-то выбросил вперед левую руку, швыряя фиолетовую молнию. Наверное, чрезмерно загрузился новыми впечатлениями и не успел привести душу в состояние боевой расслабленности. В общем, я ударил мантикору молнией, и, естественно, ничего не произошло, ведь убить человека – предел возможностей этой молнии. Думаю, даже для орка ее удар болезнен, но не смертелен. Мантикора, получив молнию в грудь, вскрикнула, но не отклонилась от выбранного курса, и через мгновение когтистые лапы сокрушили мои ребра, а смрадное дыхание коснулось моего лица.

Я успел повернуть голову, и зубы манतिकоры сомкнулись на моем левом ухе вместо того, чтобы сломать позвоночник. Мое туловище била дрожь – защитное заклинание пыталось восстановить целостность грудной клетки, но лапы манतिकоры снова и снова крушили и переламывали ребра. Уже привычная прерывистая боль то наполняла тело, то исчезала без следа, чтобы через мгновение появиться вновь. Я спешно сотворил заклинание перемещения, заклинание неподвижности и заклинание невидимости, похоже, у меня успел сформироваться боевой рефлекс, сливающий эти три заклета в единую связку. Я завис над темным двором, мое сердце билось как сумасшедшее, нестерпимо чесалось ухо, отрастающее взамен откушенного.

Небо затянуто низкими слоистыми облаками, падает густой снег, темнота почти абсолютная. Обычное зрение сейчас бесполезно, придется пользоваться магией.

Я задал запрос на поиск мантикор в ближайших окрестностях, и перед моим внутренним взором предстало двенадцать объектов. Три манतिकоры жрали тело Никанора, громко чавкая и перерывиваясь, еще две безуспешно пытались подобраться к раздираемой добыче, семь штук орали дурными голосами внутри помещения, пытаясь выбраться наружу, но вход был перекрыт их более удачливыми товарищами. “Ну это мы еще посмотрим, кто из вас более удачлив”, – подумал я и дематериализовал мантикор одну за другой. Теперь можно опуститься на землю.

Хорошо, что в темноте не видно, во что превратилось лицо моего недавнего собеседника.

Здесь должны быть еще двое магов, где они? Я сотворил заклинание поиска, и оно сообщило, что ближайšie люди – это Мезония с товарищами. Я расширил запрос, включив в область рассмотрения всех разумных существ, вряд ли эти двое носили маски, но кто их знает?.. То же самое, ближайшее разумное существо – умертвие под курганом в двадцати милях к востоку, ближе никого нет. Я попытался найти трупы живых существ и тоже ничего не нашел. Куда же подевались эти двое магов? Непонятно.

Боевое возбуждение отступило, и я осознал, насколько устал. Пожалуй, на сегодня хватит. Я сотворил заклинание перемещения и покинул Средиземье.

16

На следующее утро я вернулся в тайное поселение, затерянное в Вечном Лесу. За ночь здесь ничего не изменилось, если не считать того, что тело Никанора изрядно погрызли лисицы и еноты. Надо было вчера запереть ворота.

Я похоронил Никанора в лесу, в сотне футов от ворот. Можно было вырыть могилу заклинанием, но я воспользовался лопатой, которую нашел в сарае. Мне показалось, что будет правильнее вырыть могилу вручную, я как бы отдаю магу последние почести. Но все-таки откуда взялись мантикоры и куда делись маги?

Я вошел в центральное здание и увидел алтарь, стоящий посреди заклинательного зала в центре пентаграммы. Это был просто большой кусок камня, покрытый незнакомыми рунами. Он был буквально пропитан магией, но я, как ни старался, ничего не смог понять в витающих вокруг заклинаниях. Поколебавшись, я дематериализовал алтарь. Что бы ни говорил Никанор, мантикоры все-таки зло. Нельзя иметь в Средиземье такой артефакт, и не важно, какие благие побуждения заставили неизвестных магов его сотворить. Как говорят у нас в Хоббитании, благими намерениями вымощена дорога в Мордор. И хотя Мордор уже две с половиной тысячи лет является независимым государством, признанным всеми великими державами, смысл этой поговорки остается понятным любому хоббиту. В общем, я уничтожил злокозненный артефакт.

Следующим пунктом программы был янтарный шест на крыше большого дома. Оказывается, с его нижнего конца свисает веревка, доходящая почти до земли, и в этой веревке чувствуется какая-то магия. Веревка, очевидно, представляет собой проводник магических волн, без нее пришлось бы лезть на крышу, чтобы воспользоваться шестом. Что касается самого шеста, ясно, что с его помощью можно как-то связаться с председателем ковена, но как? Не зная соответствующих заклинаний и ключей к ним, нечего и пытаться. Я оставил янтарный шест в покое, в этом артефакте зла нет.

Я переместился в восточный предел Могильников, запустил заклинание поиска неодушевленных предметов и быстро нашел девять яиц феникса, восемь из которых просто валялись на земле, засыпанные снегом, а девятое попало в ручей и было отнесено к самой границе. Не знаю, как выглядят зрелые яйца феникса, а незрелые выглядят точь-в-точь как куриные, только вдвое больше. Трудно поверить, что такое маленькое и внешне безобидное яичко способно свергнуть в огненный шторм целую деревню, но в мире вообще много такого, во что трудно поверить. Я поборол искушение разобраться в странной и чуждой магии феникса и просто дематериализовал яйца. Кто знает, какие охранные заклинания наложены ганнарскими магами на эти чудовищные артефакты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.